

Воробьева Людмила Михайловна*, доктор политических наук ведущий научный сотрудник Центра координации исследований РИСИ.

Немецкий путь после Второй мировой войны (1945–2020 гг.)

По наблюдению, сделанному Фридрихом Ницше, немецкий народ отличается тем, что вопрос "Кто такие немцы?" для него никогда не умирает. Не умирает он и для других народов, не забывающих о своём негативном историческом опыте, связанном с Германией.

Ответ немцев на вопросы "Кто они такие?" и "Куда они идут?" всегда зависел от амбиций и политической программы лидеров страны на разных этапах исторического развития Германии. Эти ответы нередко вырастали в угрозу для соседей немцев и всего Европейского континента. Они запечатлелись в ёмкой и о многом говорящей лексике, зафиксировавшей опасные для других государств векторы в германской политике: "Дранг нах Остен", "Германия, пробудись!" (клич пангерманистов), "Будущее Германии лежит на морях" (Вильгельм II), "Майн кампф", "Третий рейх", "Освенцим", "Блицкриг", план "Ост", тотальная война против СССР и пр.

Реакция стран на безудержную реализацию таких кошмарных установок нашла отражение в не менее внушительном лексическом ряде, свидетельствующем о формах и масштабах сопротивления германским вызовам: Антанта, Версальский мирный договор, политика Великобритании и Франции по "умиротворению" Гитлера, Восточный фронт, антигитлеровская коалиция, Сталинград, высадка западных союзников в Нормандии, Знамя Победы над Рейхстагом, оккупация Германии, Потсдамское соглашение, Нюрнбергский процесс, холодная война, раскол Германии. Противодействие пангерманскому и нацистскому натиску не сводилось только к возмездию, оно давало немецкому народу шанс для преодоления негативного прошлого, хотя конфликт между Западом и Востоком, длящийся с раскола христианства по сегодняшний день, затруднял решение такой задачи.

Законодательные предпосылки преодоления раскола Германии

После Второй мировой войны вечный для немцев вопрос "Кто они такие и куда идут?" встал с новой силой. На первых порах, в так называемый

* lworobeva@yandex.ru

час ноль, немецкий народ мало что мог решать, поскольку высшее управление в поверженной Германии осуществляли страны-победительницы. Согласно Потсдамскому соглашению, западные державы и СССР должны были по-новому организовать Германию, с тем чтобы предотвратить возрождение нацизма. Этой цели служили мероприятия, которые вошли в историю под названием "четырёх Д", – демилитаризация, денацификация, демократизация и децентрализация.

Параллельно с этими процессами должна была идти подготовка мирного урегулирования для Германии в целом¹. В соответствии с Потсдамским соглашением, до заключения мирного договора с Германией державы-победительницы сохраняли за собой особые права в вопросах, касающихся всей страны. В частности, они должны были находить совместные и согласованные решения по таким проблемам, как формирование общегерманского правительства; международно-правовой и государственно-правовой статус Германии²; единое гражданство страны; регулирование экономических вопросов принципиального характера, затрагивающих Германию в целом, например введение единой валютной системы; и, наконец, разработка и реализация мер по обеспечению будущего мира и безопасности.

Однако вместо заключения мирного договора с Германией возобладал другой сценарий: разделение страны на западную и восточную части, которые совпадали с зонами оккупации. Произошло это в условиях начавшейся холодной войны и обострения противоречий между бывшими союзниками как в отношении будущего Германии в целом, так и по проблемам развития послевоенной международной обстановки.

Несмотря на нарастание конфликта между Востоком и Западом, Советский Союз не был сторонником раскола Германии. Он пошёл на образование ГДР в советской зоне оккупации (7 октября 1949 г.) только после сепаратного решения западных держав о проведении валютной реформы в западной объединённой оккупационной зоне (20 июня 1948 г.) и создании ФРГ (23 мая 1949 г.).

¹ В Потсдамском соглашении под Германией понималась область германского рейха в границах от 31 декабря 1937 г. Эта дата была выбрана, потому что все территориальные приобретения страны после 1 января 1938 г. рассматривались союзниками как недействующие. К ним относятся аншлюс Австрии 13 марта 1938 г., включение Судетской области 29 сентября 1938 г., создание протектората Богемии и Моравии 15 марта 1939 г., возвращение германскому рейху Мемельской области через подписание договора с Литвой от 22 марта 1939 г., а также все территориальные приобретения, совершённые в ходе Второй мировой войны.

² Поскольку в Потсдамском соглашении не был определён международно-правовой и государственно-правовой статус Германии в границах от 31 декабря 1937 г., этот вопрос стал предметом споров, которые велись с позиций двух основных теорий: теории об отсутствии преемственности и теории преемственности. Первая исходит из гибели германского рейха в качестве субъекта международного права как в фактическом, так и в правовом отношении. Правительство ФРГ и западногерманские юристы-международники исходили из продолжения правового существования германского рейха, т.е. из теории преемственности. В теоретически продолжавший существовать германский рейх в границах от 31 декабря 1937 г. входили также прежние немецкие области к востоку от ГДР, включённые в состав Польши (Силезия, Померания, Западная и Восточная Пруссия).

Примечательно, что совершившийся раскол страны рассматривался в западногерманском обществе как переходное состояние, которое может длиться только короткий отрезок времени. Этим настроениям отвечало и название принятой в 1949 г. Конституции ФРГ, которая фигурировала как Основной закон. Это позволяло считать, что речь идёт о базовом законодательстве на переходный период, которое будет развито и дополнено при принятии общегерманской Конституции (ст. 146 Основного закона)³. В то же время с учётом реальностей холодной войны не исключалась и возможность поглощения Восточной Германии (ст. 23 Основного закона)⁴.

Кроме того, в преамбуле Конституции ФРГ было зафиксировано стремление немецкого народа к воссоединению, а необходимые усилия в этом направлении рассматривались как долг всех немцев. Правовую основу для будущего воссоединения немецкого народа, а следовательно, и территориального единства страны создавало положение Основного закона о германском гражданстве. Оно восходит к Закону о гражданстве, который был принят в германском рейхе 22 июля 1913 г. и ориентировался не на принцип территории, как это имеет место, например, во Франции или США, а на принцип происхождения, применяемый без ограничений. Такой подход объясняется исторической особенностью формирования самосознания немецкого народа. Так, если во Франции национальное самосознание складывалось в рамках устойчивой государственной территории, то в условиях германской раздробленности и значительного переселенческого движения на восток оно искало опору в общности языка, культуры, традиций, этнического происхождения. Принцип происхождения, закреплённый в Основном законе, гарантировал получение германского гражданства не только немцам ФРГ, но и всем немцам и их потомкам, нашедшим пристанище на территории германского рейха в границах на 31 декабря 1937 г.

Прошло четыре десятилетия, прежде чем законодательные предпосылки объединения Германии, предусмотренные Потсдамским соглашением и Основным законом, были востребованы и реализованы.

Стратегический выбор канцлера К. Аденауэра

Советский Союз, несмотря на образование ГДР, дважды – в 1952 и 1955 г. – предлагал воссоединить Германию на основе свободных выборов и при условии обретения ею нейтрального статуса. Такой вариант был реализован в Австрии, руководство которой согласилось с нейтральным статусом и благодаря такому выбору не допустило разделения страны, оккупированной, как и Германия, западными державами и СССР.

³ Статья 146 гласила: "Данный Основной Закон прекращает действовать в день вступления в силу Конституции, которая принята немецким народом путём свободного волеизъявления".

⁴ Статья 23 гласила: "Данный Основной Закон действует вначале на территории земель Баден, Бавария, Бремен, Большой Берлин, Гамбург, Гессен, Нижняя Саксония, Северный Рейн – Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Шлезвиг-Гольштейн, Вюртемберг-Баден и Вюртемберг-Гогенцоллерн. В других частях Германии он должен вступить в силу после их присоединения".

Предложение Советского Союза вызвало очередную дискуссию по вопросам внешней политики, обнажившую поляризацию политических сил в ФРГ. Дело в том, что представители немецких политических элит, не скомпрометировавшие себя связью с нацистским режимом, по-разному видели место и роль Германии в будущей Европе.

Первому канцлеру ФРГ Конраду Аденауэру (1876–1967), взявшему решительный курс на интеграцию ФРГ в западную систему союзов и организаций, пришлось преодолевать сильное политическое сопротивление основателя Христианско-демократического союза (ХДС) и министра по внутригерманским отношениям Якоба Кайзера (1888–1961), председателя Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Курта Шумахера (1895–1952), ряда политиков Свободной демократической партии (СвДП), а также многих интеллектуалов левого и правого толка. Все они хотели использовать шанс, заключавшийся в советском предложении.

Я. Кайзер видел высокую задачу Германии в том, чтобы в интересах социального мира и нового длительного взаимопонимания в Европе найти синтез между восточными и западными идеями и осуществить выравнивание между капитализмом и демократией на Западе с одной стороны и социализмом и диктатурой на Востоке – с другой. Речь шла об окончательном совмещении двух начал, преобразивших мир: принципов Декларации о правах человека, вошедших в Европу вместе с Французской буржуазной революцией, и принципов переустройства социальных отношений, реализованных в ходе Октябрьской социалистической революции в России. В этом контексте Германия, по мысли Я. Кайзера, могла бы противодействовать расколу Европы на противостоящие блоки, а в случае неотвратимости такого раскола её роль должна была сводиться к наведению мостов между блоками и снижению конфронтационности. Примечательно, что идеи Я. Кайзера о внеблоковой роли Германии как моста между Востоком и Западом увлекали немцев в послевоенной Германии.

У К. Шумахера был другой идеал – социал-демократическая Германия в социал-демократической Европе. Целью немецкой социал-демократии он видел достижение Соединённых штатов Европы, которые должны были стать третьей силой, наряду с США и СССР, в противном случае, как он считал, Европа будет "растёрта между жерновами" сверхдержав.

К. Шумахер, не свободный от антирусских и антисоветских настроений, сразу после капитуляции Германии направил СДПГ на антикоммунистический курс. Он опасался заключения альянса между прорусски ориентированными консервативными кругами и коммунистами, которые, как он полагал, выхолостят демократию, принесённую западными державами-победительницами населению поверженной Германии.

К. Шумахер не доверял и западным союзникам, по отношению к которым вёл себя агрессивно и иронично. При нём СДПГ отличалась несомненной независимостью и критической дистанцией к США. Социал-демократы считали, что прочный союз К. Аденауэра с Соединёнными Штатами подвергает опасности перспективы германского объединения. Они осуждали его за "рабскую преданность Америке" и приклеили ему ярлык "канцлера союзников".

Не остались в стороне и немецкие интеллектуалы. Так, писатель Томас Манн называл Западную Германию "любимой американской колонией" и с раздражением писал о К. Аденауэре, который "сдал страну" Соединённым Штатам Америки.

И всё-таки развитие Германии и Европы пошло по пути, выбранному К. Аденауэром. В отличие от Я. Кайзера и К. Шумахера, которые ставили свою внешнеполитическую линию в зависимость исключительно от внутривластного одобрения, К. Аденауэр использовал присутствие на территории Германии оккупационных властей, в первую очередь американских, и дал им гарантии, что ФРГ идёт по пути превращения в надёжного союзника Запада.

Кроме того, К. Аденауэр воспользовался конституционно-правовыми преимуществами поста федерального канцлера⁵, которые обеспечивают канцлеру доминирование в политическом процессе⁶. Он сделал внешнюю политику своей чёткой прерогативой. На его позицию не могли повлиять ни федеральное правительство, ни ХДС, ни парламентская оппозиция, ни общественное мнение. Важнейшие решения в сфере внешней политики (в частности, отказ от предложения СССР объединить Германию на основе обретения ею нейтрального статуса, западная привязка ФРГ, вступление ФРГ в ЕЭС и НАТО) К. Аденауэр принимал единолично, не допуская дискуссии по этим вопросам и ставя общественность и федеральное правительство перед свершившимися фактами⁷.

По мнению канцлера, у немцев было только два варианта выбора: стать частью свободного Запада или коммунистического Востока. Нейтралитет в сложившемся раскладе сил он считал иллюзорным. Он говорил, что нейтральная страна – это та, которая в случае необходимости обладает силой отстоять свой нейтралитет против всех внешних посягательств на него. Страна же, которая выживает благодаря терпимости других, не может быть нейтральной. К. Аденауэр отверг также идею о независимой посреднической роли Германии между Востоком и Западом, полагая, что в сложившейся политической обстановке такая роль превратила бы Германию не в посредника, а в тяжёлую гирию на чаше весов международного расклада сил, которая, перемещаясь из одной стороны в другую, приводила бы к серьёзным последствиям для всех сторон.

⁵ Сильная конституционно-правовая позиция федерального канцлера закреплена в положениях Основного закона о директивной компетенции (ст. 65), организационных прерогативах (ст. 64) и конструктивном вотуме недоверия (ст. 67).

⁶ Конкретное разграничение полномочий между институтами власти (в том числе на внешнеполитическом направлении) зависит не в последнюю очередь от личности самого канцлера. Доминантный стиль руководства К. Аденауэра надолго определил приоритетное положение Ведомства федерального канцлера в рамках структур исполнительной власти. В 1950-е гг. его деятельность на посту канцлера воспринималась критически. Впоследствии среди западногерманских политологов был достигнут широкий консенсус в отношении того, что уроки, извлечённые отцами-составителями Конституции ФРГ из крушения Веймарской республики, были правильными. Один из уроков состоит в том, что сильная позиция канцлера является обязательной предпосылкой успешного руководства страной. См.: *Andersen U., Woyke W. Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland*. Bonn, 1992. S. 37–39.

⁷ *Hacke Ch. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Weltmacht wider Willen?* Berlin, 1997. S. 63–74.

К. Аденауэр надеялся, что через участие ФРГ в западноевропейской интеграции и трансатлантическом партнёрстве можно будет изменить роль страны от зависимого объекта до действующего и равноправного субъекта европейской и международной политики. Следуя своим убеждениям, он предпочёл единство с Западом единству своей нации. К. Аденауэр завёл переговоры с СССР об объединении Германии в тупик, а затем добился принятия бундестагом (большинством в две трети голосов) решения о демилитаризации ФРГ и её вступлении в НАТО.

Выбор пути для Западной Германии, который К. Аденауэр сделал в послевоенный период под свою ответственность и согласно своему пониманию ситуации, впоследствии был поддержан СДПГ⁸ и легитимирован результатами парламентских выборов в ФРГ. Этот путь по-прежнему образует одно из важнейших направлений внешней политики современной Германии, в отношении которого действует принцип преемственности.

Подходы ФРГ к достижению немецкого единства: от конфронтации к сближению

Отказ К. Аденауэра от нейтрального статуса страны выдвинул ФРГ в центр конфликта между Востоком и Западом, сделал её продвинутой базой США по сдерживанию "советской угрозы", "ударной силой НАТО", если говорить пропагандистским языком того времени. Эмблемой восточной политики ФРГ стали антикоммунизм и антисоветизм. Компромиссы с СССР и ГДР считались аморальными. Сторонники переговоров с Востоком обвинялись в коммунистических симпатиях. Лозунгами предвыборных кампаний были "Безопасность!" и "Никаких экспериментов!".

Понятно, что в такой обстановке возможность воссоединения Германии виделась в рамках предельно жёсткой схемы. ФРГ настаивала на своём единоличном представительстве Германии в целом. Власть в ГДР, или в "так называемой ГДР" (die so genannte DDR), считалась незаконной, поскольку, как утверждало западногерманское руководство, она подпиралась советскими вооружёнными силами. Не будь этих подпорок, полагали в Бонне, немецкая нация воссоединилась бы в условиях свободы. По мысли К. Аденауэра, объединение страны должно было произойти путём приёма освобождённых немцев и восстановления Германии в границах на 31 декабря 1937 г. Такой курс был квалифицирован в СССР и государствах народной демократии (прежде всего в ПНР, которая получила территориальные приращения за счёт Силезии и Пруссии) как реваншистский.

Большинство западногерманских политиков надеялись, что германское единство будет достигнуто через коллапс "так называемой ГДР". Такой подход содержится в "теории магнита" К. Шумахера, согласно которой процветание и благосостояние в Западной Германии может сделать

⁸ Заместитель председателя СДПГ Г. Венер, выступая 30 июня 1960 г. в бундестаге, заявил, что европейская и атлантическая система договорённостей создаёт основу и рамки для западногерманской внешней политики и политики воссоединения и СДПГ не предполагает отказа ФРГ от её договорных и союзных обязательств.

её экономическим магнитом для Восточной Германии, а Запад в целом – полюсом притяжения для государств Восточной Европы.

"Теория магнита" была дополнена концепцией "политики с позиции силы", которой придерживался К. Аденауэр. Возможность объединения страны немецкий канцлер ставил в зависимость от исхода идеологического, экономического и военно-оборонного противоборства двух общественно-политических систем.

Между тем надежды на скорое объединение Германии не сбывались. СССР не становился слабее. Запуск первого искусственного спутника Земли (1957 г.) и полёт Юрия Гагарина в космос (1961 г.) повергли Запад в состояние шока. Не менее впечатляющим было и достижение Советским Союзом военно-стратегического паритета с Западом, что делало ядерную войну самоубийственной для обеих сторон. Стало ясно, что воссоединение Германии против воли СССР недостижимо и на десятилетия вперёд нереально.

После Берлинского (1961 г.) и Карибского (1962 г.) кризисов, когда США и СССР не решились перевести эти конфликты в "горячую фазу", наметились тенденции к разрядке в советско-американских отношениях, которые дали новый импульс и внешней политике Западной Германии. В июле 1963 г. Эгон Бар (СДПГ) выступил с идеей "изменений через сближение" и тем самым положил начало поиску путей к взаимопониманию с СССР, ГДР и другими восточноевропейскими странами, что в известной степени подтверждало жизнеспособность концепции Я. Кайзера.

Приход к власти социал-либерального правительства (1969 г.) создал предпосылки для новой восточной политики канцлера Вилли Брандта и главы западногерманского МИД Ганса-Дитриха Геншера. Под их началом были подготовлены и заключены "восточные договоры" с СССР, ГДР, ПНР, Чехословакией, чтобы на основе признания послевоенных границ строить мирные отношения с государствами социалистического содружества.

В ряду международных соглашений, инициированных социал-либеральной коалицией, важное место занимают Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину (подписано в сентябре 1971 г.) и Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ (декабрь 1972 г.).

В Четырёхстороннем соглашении было зафиксировано, что Западный Берлин не является составной частью ФРГ и не будет управляться ею впредь. Документ обеспечивал урегулирование таких вопросов, как транспортные связи Западного Берлина с территорией ФРГ, порядок поездок граждан Западного Берлина в ГДР, характер связей города с ФРГ и пр.

Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ определил их как нормальные, добрососедские, базирующиеся на равноправии сторон. Оба государства признали друг друга в качестве субъектов международного права, подтвердили нерушимость существующих между ними границ сейчас и в будущем, обязались уважать территориальную целостность друг друга и решать спорные вопросы исключительно мирными средствами. Стороны договорились о том, что будут развивать сотрудничество в области экономики, науки и техники, транспорта, правовых отношений, почтово-телеграфной и телефонной связи, здравоохранения, культуры, спорта, охраны окружающей среды и в других областях.

Договор создал основу для открытия обоими государствами своих постоянных представительств соответственно в Берлине и Бонне и для приёма в сентябре 1973 г. ГДР и ФРГ в ООН.

На первых порах политика В. Брандта натолкнулась на сопротивление блока ХДС/ХСС и сильное неприятие американского президента Р. Никсона. Демохристиане, продолжавшие инерционно придерживаться мировоззрения К. Аденауэра, ассоциировали восточную политику с "распродажей", "уступкой немецких земель", "скрытыми репарациями в пользу Москвы" и пр. Р. Никсон, в свою очередь, заподозрил в новациях правительства В. Брандта конъюнктурную попытку занять место между Востоком и Западом.

В разгар жёсткой дискуссии между правящими партиями и оппозицией блок ХДС/ХСС дважды пытался осуществить смену правительства путём переманивания в свою фракцию колебавшихся депутатов от СДПГ и СвДП. После возникновения ситуации "парламентского пата" (июнь 1972 г.), т.е. равенства сил, приведшего к параличу парламентской деятельности, спор между сторонниками и противниками политики В. Брандта был решён исходом внеочередных федеральных выборов.

В центр своей избирательной кампании СДПГ поставила вопросы восточной политики и одержала убедительную победу, которая легитимировала совершённый ею прорыв в боннской восточноевропейской стратегии. Американские политологи увидели в действиях социал-демократов растущую независимость Западной Германии по меньшей мере в тактике, если не больше⁹.

Курс социал-либерального правительства, предусматривавший переход от конфронтации к сближению с Востоком, со временем нашёл признание и демохристиан, ибо был реалистичен и позволял шаг за шагом изменять ситуацию в обеих частях Германии и в Европе, в том числе в интересах германского единства. Об этом может свидетельствовать знаменитая в те годы формула В. Брандта: "Даже если в Германии существуют два государства, они друг для друга не за граница".

Важным шагом В. Брандта к обретению немцами права на объединение страны явилась попытка снять исторические предубеждения народов в отношении немецкой нации через открытое критическое обсуждение в ФРГ проблем нацистского периода, с тем чтобы война никогда больше не исходила с немецкой территории.

Немцы в условиях осмысления своей ответственности за развязывание Второй мировой войны

В Германии осмысление нацистского периода как первопричины Второй мировой войны развивалось в условиях неослабевающих усилий фальсификаторов с целью выгородить истинных виновников войны, преуменьшить роль СССР в разгроме фашизма, очернить освободительную миссию Советской армии, подвергнуть сомнению итоги войны.

⁹ *Bergner J.T.* The new superpowers Germany, Japan, the U.S., and the new world order. N.Y.: St. Martin's Press, 1991.

Инициаторами и идеологами исторических фальсификаций сразу после окончания Второй мировой войны выступили бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции. В 1948 г. Госдепартамент США при сотрудничестве с Министерствами иностранных дел Великобритании и Франции выпустил в обход СССР¹⁰ сборник трофейных документов "Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг." Подборка опубликованных материалов носила тенденциозный и односторонний характер. Документы предшествующих лет, в частности относящиеся к мюнхенскому периоду, в издание включены не были, что, конечно, было не случайно. Сразу же вслед за выходом этого сборника на Западе была развязана антисоветская кампания по поводу советско-германского пакта о ненападении, якобы направленного против западных держав. Идеологические клише этой кампании, искажающие действительную картину событий, станут основой предпринятых на Западе фальсификаций истории Второй мировой войны.

В ответ на политику бывших союзников по манипулированию секретными документами Третьего рейха Советское информационное бюро при Совете министров СССР подготовило историческую справку "Фальсификаторы истории"¹¹. В ней с опорой на важные секретные документы были показаны отношения между Третьим рейхом и правительствами Великобритании, Франции и США, раскрыта роль США в возрождении и обновлении военной промышленности Германии, обнажена политика правящих кругов Великобритании и Франции по развязыванию гитлеровской агрессии (политика "умиротворения" Германии, отказ от создания системы коллективной безопасности).

С выходом сборника "Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг." и исторической справки "Фальсификаторы истории" было положено *начало резкому размежеванию между Западом и СССР в подходах к истории Второй мировой войны*. Развернувшаяся на этой почве острейшая идеологическая, научная и информационно-психологическая борьба наложила отпечаток на осознание немцами своей вины за развязанную войну. Этот процесс носил крайне противоречивый и неоднозначный характер.

* *
*

После безоговорочной капитуляции Германии немцы испытывали сложный комплекс чувств. Прежде всего облегчение, что страшная война закончилась, но одновременно и осознание того обстоятельства, что Германии как великой державы больше нет. Это наводило на мысли о конце

¹⁰ В ходе оккупации поверженной Германии советскими войсками и войсками западных союзников были захвачены документы дипломатического ведомства Германии за 1918–1945 гг. Как и в случае с разделением Германии и Берлина на оккупационные зоны, разделёнными оказались и немецкие архивы. От настойчивых предложений СССР о совместной разработке трофейных документов и их последующей совместной публикации Великобритания и США уклонились. О сепаратном издании трофейных материалов США, Великобритания и Франция договорились между собой ещё летом 1945 г.

¹¹ Фальсификаторы истории (историческая справка). М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948.

немецкой истории вообще. 8 мая 1945 г. воспринималось не как освобождение от национал-социализма, а в первую очередь как поражение, которое не может быть поводом для праздника.

Другими чувствами были апатия, сильный страх перед будущим, сострадание к самим себе. Только чувство вины за произошедшее наблюдатели (например, английский писатель Стивен Спендер и американско-немецкий философ Ханна Арендт) не заметили.

Агонию проигранной войны немцы испытали в полной мере. Зимой 1944–1945 гг. война, начавшаяся в Европе в 1939 г., возвратилась назад, чтобы наконец закончиться в разрушенном Берлине. В последние месяцы перед капитуляцией нацистское руководство форсировало тотальную войну, которая сводилась к самоуничтожению и втягивала в своё горнило также подростков, женщин и стариков. А. Гитлер считал, что с проигранной войной перестанет существовать и народ. В условиях нацистского режима такое самоуничтожение под лозунгами "Борьба до последнего человека", "Лучше погибнуть, чем сдаться врагу" не могло быть остановлено ни гражданским правительством, ни военными (как в 1918 г.). К концу войны в срочном порядке были учреждены особые суды, которые даже за незначительные проступки выносили смертные приговоры как военнослужащим, так и представителям гражданского населения.

Следствием политики самоуничтожения явились акции индивидуального и коллективного самоубийства многих нацистских функционеров – от низкого до высокого ранга. Волна самоубийств приняла эпидемический характер после поражения 6-й армии под Сталинградом, продолжилась на фоне высадки западных союзников в Нормандии, чтобы в результате стать принудительно-добровольным феноменом, сопровождавшим финальные стадии борьбы за Третий рейх¹². Согласно последнему сообщению службы безопасности СС, спрос на яд, пистолет и другие средства, позволяющие расстаться с жизнью, был повсюду высок. Причиной самоубийств называлось отчаяние перед лицом неизбежной катастрофы. Однако бóльшая часть членов нацистской партии и подавляющее большинство населения предпочли смерти спасение собственной жизни. Это свидетельствовало не только о воле к выживанию, но и о том, насколько циничны были прежние оправдания нацистского режима, присвоившего себе право безгранично распоряжаться жизнями людей¹³.

Первыми с последствиями проигранной войны столкнулись немцы на востоке рейха. Одни бежали от наступавшей Красной армии, другие вынужденно покидали родные места под давлением прямого насилия со стороны населения прежде оккупированных вермахтом стран.

Согласно данным Федерального статистического ведомства, во время "диких изгнаний" немцев из освобождённых Чехословакии, Польши, Венгрии погибли более 2 млн человек. Затем последовало организованное (т.е. в соответствии с решением Потсдамской конференции и законодательными актами Чехословакии, Польши, Венгрии, РСФСР) переселение

¹² Huber F. Kind, versprich mir, dass du dich erschießt: Der Untergang der kleinen Leute 1945. Berlin, 2015. S. 92.

¹³ Geyer M.H. Die Nachkriegszeit als Gewaltzeit. Ausnahmestände nach dem Ende des Zweiten Weltkrieges // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2020. 20 Januar. No. 4–5. S. 36–46.

9 млн немцев из мест своего многолетнего проживания в оккупационные зоны Германии¹⁴. Эта акция была впоследствии квалифицирована в ФРГ как "изгнание с родины", а сам термин "изгнанные", в котором присутствует несогласие с решением держав-победительниц, прочно вошёл в политический и юридический лексикон западногерманского государства. Такой подход свидетельствовал об искажённом восприятии причин и следствий и распространялся не только на факты "изгнания", но и оценки других бедствий, выпавших на долю немцев после поражения Третьего рейха во Второй мировой войне.

Хотя немецкое население в оккупационных зонах Германии не находилось под угрозой "диких изгнаний", однако и оно было парализовано страхом, особенно в так называемое ничейное, или волчье, время, когда нацистский режим перестал существовать, а органы оккупационных властей ещё не функционировали. Это был период прямого насилия со стороны солдат, перемещённых лиц (10,8 млн подневольных рабочих были отпущены на свободу без средств к существованию), самих немцев, пострадавших от нацистских репрессий и желавших отомстить своим мучителям за причинённые страдания. Избиения, рукоприкладство, обыски, грабежи, убийства, конфискации квартир, изнасилования и пр. были приметамы того времени.

Немецкие солдаты, возвращавшиеся с Восточного фронта и участвовавшие в преступлениях, совершённых на Востоке, мучились манией преследования и испытывали страх в отношении русских. Они предпочитали при возможности сдаваться западным оккупационным властям¹⁵. Часть из них впоследствии стала пациентами психиатрических клиник.

Настроения в западногерманском обществе в послевоенное время чётко передал в своей книге "Утраченные победы"¹⁶ начальник штаба в группе армий "Юг" Эрих фон Манштейн. В своих воспоминаниях он признал, что нападение на СССР принесло неисчислимы бедствия гражданскому населению, но в то же время особо подчеркнул, что они несравнимы с теми страданиями, которые пережило гражданское население Германии во время бомбового террора. О том, что западные немцы воспринимали себя после 1945 г. жертвами, рассказал также Генрих Герлах в опубликованном в 1957 г. романе о Сталинграде "Преданная армия", который, как и мемуары Э. фон Манштейна, был бестселлером¹⁷.

¹⁴ Для переселенцев были характерны сильное желание вернуться на родину и острая неприязнь к тем, по чьей вине, как они думали, их лишили родины. Важным инструментом отстаивания интересов и требований переселенцев был созданный в ФРГ Союз изгнанных, объединивший под своей крышей значительное число низовых и переселенческих организаций (союзы изгнанных и землячества).

¹⁵ После капитуляции Германии количество военнопленных достигало 11 млн чел. Более двух третей из них находилось в ведении западных держав, остальная часть – у советских оккупационных властей. К началу 1947 г. западные союзники отпустили на свободу большинство военнопленных, а к концу 1949 г. – около 2 млн пребывавших в лагерях немецких солдат. В Советском Союзе оставалось 30 тыс. военнопленных, которые вернулись в ФРГ в 1956 г.

¹⁶ *Manstein E. von. Verlorene Siege. Bonn, 1958 (1998).*

¹⁷ *Ebert J. Stalingrad: Gemeinsame Erfahrung, getrenntes Erinnern? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2017. 22 Mai. No. 21–22. S. 27–32.*

Вопрос о немецкой вине в западногерманском обществе практически не ставился, поскольку считался решённым после приговоров, вынесенных в ходе Нюрнбергского процесса. Тем не менее в рамках проводившейся денацификации миллионы немцев стремились уйти от личной ответственности, пытаясь переложить вину на сравнительно небольшую группу "главных военных преступников", которых державам-победительницам удалось арестовать и предать суду. Для себя они стремились получить статус "попутчиков", которые якобы ничего не знали.

В западной зоне оккупации нацистские преступники лишались прежних должностей и подвергались судебному преследованию. Эти действия сопровождались ростом жалоб немцев в отношении "юстиции победителей" и осуществлявшегося ею "произвола". Вскоре фактор холодной войны поставил западных союзников перед необходимостью решать другие задачи, поэтому денацификация была скомкана, проведена формально и в конечном счёте слилась с процессом реабилитации¹⁸.

В советской зоне оккупации обращение с бывшими членами нацистской партии и участниками преступлений гитлеровского режима было более жёстким. В частности, были проведены показательные судебные процессы, виновные были интернированы в лагеря в Восточной Германии и за границей. Денацификация сопровождалась борьбой с подпольными фашистскими организациями, экономическим и политическим саботажем бывших юнкеров-землевладельцев и всякого рода "подручных фашизма".

В течение 40 лет осмысление ответственности за развязанную войну проходило в условиях разделённой нации и существования двух немецких государств – ФРГ и ГДР, превращённых в годы холодной войны в форпосты противостояния Востока и Запада. Это обусловило разные подходы к трактовке проблем, связанных с нацистским периодом и Второй мировой войной.

Осмысление в ФРГ преступлений гитлеровского режима прошло через несколько стадий, связанных с политикой К. Аденауэра, В. Брандта и Г. Коля.

В "эру Аденауэра" переход общества к либеральной демократии западного образца был осуществлён в условиях абсолютной тишины вокруг нацистского прошлого. Третий рейх рассматривался как несчастный случай немецкой истории. Доминировал упрощённый подход к анализу того периода: на одном полюсе – А. Гитлер и его клика, на другом – герои заговора 20 июля 1944 г. Роль старых элит, обеспечивших приход к власти нацистов, а также роль в Третьем рейхе представителей немецкого бизнеса замалчивались.

В 1949 г. был принят Закон об амнистии, который открыл многочисленным чиновникам и кадровым военным Третьего рейха путь в государственные структуры и заново формировавшуюся армию. К. Аденауэр отказался от дальнейшего уголовного преследования нацистов со ссылкой на желательность умиротворения общества и политической стабилизации. В середине 1950-х гг. уже почти никто не опасался преследований со стороны государства и государственных органов. На свободу вышли и многие

¹⁸ *Niethammer L.* Die Mitläuferfabrik: Die Entnazifizierung am Beispiel Bayerns. Berlin, 1982.

из тех, кто в 1945–1949 гг. был осуждён в рамках Нюрнбергских процессов или военным судом союзников за военные либо нацистские преступления. Среди них были и генерал-фельдмаршалы Вильгельм фон Лееб и Георг фон Кюхлер, превратившие блокадный Ленинград в "гигантский лагерь смерти", но оправдывавшие себя тем, будто блокада, даже ленинградская, была средством "нормальной войны". Один из авторов плана "Барбаросса" Э. фон Манштейн был освобождён в 1953 г. из британской тюрьмы по состоянию здоровья и затем по приглашению К. Аденауэра работал внештатным советником по вопросам обороны, организации бундсвера и разработке доктрины ФРГ.

Завеса молчания о нацистском прошлом была приподнята в ФРГ только в 1960-е гг. В тот период огромный общественный резонанс вызвали процессы над А. Эйхманом в Иерусалиме (1961–1962 гг.), палачами Освенцима во Франкфурте (1963–1964 гг.), другие крупные процессы против бывших нацистов, а также споры в бундестаге о сроках давности для нацистских преступников.

Проблема исторической и персональной вины немцев получила общенациональное звучание с вхождением СДПГ в "большую коалицию" с ХДС/ХСС (1967–1969 гг.) и формированием внепарламентской оппозиции на базе экологического антивоенного антиядерного движения. В осмысление нацистского периода активно включилось послевоенное поколение "сыновей", потрясённых открывшимися фактами злодеяний гитлеровского режима и молчанием "отцов", которое воспринималось "сыновьями" как их "вторая вина". При этом процесс осознания прошлого затронул все возрастные группы¹⁹.

Старшая группа (с 1900 по 1915 год рождения) была основным поставщиком кадров для нацистской диктатуры. Представители этого поколения радикализировались на фоне поражения Германии в Первой мировой войне и политической нестабильности в Веймарской республике. С 1930-х гг. они стали относительно молодыми сторонниками гитлеровского порядка, впитали в себя национал-социалистскую идеологию с её расовой теорией и активно участвовали в массовых преступлениях нацизма. В мировоззренческом отношении эта группа была неоднородна, потому что к ней принадлежали и противники нацистского режима, например социал-демократ В. Брандт²⁰, коммунист Эрих Хонеккер²¹.

Родившиеся в период с 1918 по начало 1930-х гг. представляют поколение 1945 г., потому что, будучи молодыми и сравнительно необременёнными негативным прошлым, они в течение двух послевоенных десятилетий быстро доросли до ответственных позиций в политике, СМИ, университетах, где смогли заменить старшее поколение. Конец войны был поворотным моментом в их жизни, который определил их карьеру и политические убеждения. Эта группа включает тех, кто в молодом возрасте

¹⁹ *Herbert U.* Drei politische Generationen im 20. Jahrhundert // *Generationalität und Lebensgeschichte im 20. Jahrhundert.* München, 2003. S. 95–115.

²⁰ В период нацистской диктатуры В. Брандт (1913–1992) был лишён германского гражданства и находился в эмиграции сначала в Норвегии, а затем в Швеции.

²¹ При нацистах Э. Хонеккер (1912–1994) был приговорён к десяти годам тюремного заключения.

(1921–1925 годы рождения) был отправлен солдатом на фронт или мобилизован в качестве вспомогательного персонала (1926–1928 годы рождения) в подразделения ПВО, а также тех, кто в детском возрасте познакомился с режимом через гитлерюгенд.

Политическое поколение 1945 г. предстаёт в исторических исследованиях как когорта, которая внесла решающий вклад в демократизацию, вестернизацию и либерализацию ФРГ. К этой группе обычно относят известных немцев – политиков (Г. Шмидт²², Г. Коль²³, Г.-Д. Геншер²⁴), интеллектуалов (Р. Дарендорф, Ю. Хабермас), писателей (Г. Грасс, М. Вальзер), публицистов (Р. Аугштайн, И. Фест), историков (Г.-У. Веллер, братья Ганс и Вольфганг Моммзены). Отношения представителей поколения 1945 г. и бунтарской политической смены 1968 г. (с 1938 по 1950 год рождения), которую представляли молодые Герхард Шрёдер, Оскар Лафонтен, Йошка Фишер, были неоднозначны. В их разладе исследователи видели движущую силу общественно-политических конфликтов ФРГ, начиная с 1960-х гг.²⁵ В то же время часть представителей поколения 1945 г. (главным образом левых убеждений) была на стороне "сыновей". Те же, кто ассоциировал движение 1968 г. с деструктивными попытками дестабилизировать ФРГ, были их противниками.

Для историков остаётся дискуссионным вопрос о роли поколения 1945 г. в обращении общества к проблеме нацистского исторического бремени. Многие исследователи (например, Т. Зандкюлер, Р. Хальс, К. Ярауш), кто в большей, кто в меньшей степени, пытались выявить масштабы прежней привязки данной возрастной группы к национал-социализму. Было очевидно, что поколение 1945 г. страшилось нападков на своих старших коллег, отягощённых нацистским прошлым. Такому поведению находилось объяснение: считалось, что, испытав в юности и подростковом возрасте "притягательную силу национал-социалистских идеалов", это поколение проявляло гораздо больше понимания по отношению к молчаливым "попугчикам", чем это делали молодые бунтари 1968 г.²⁶

В 1970-е гг. прорыв СДПГ в восточной политике и демократизации западногерманского общества под лозунгом В. Брандта "Отважиться на большую демократию" (*Mehr Demokratie wagen*) предопределил открытое критическое обсуждение преступлений нацизма в контексте немецкой вины. Пример подал сам В. Брандт, преклонивший колени перед мемориалом жертв национал-социализма в бывшем Варшавском гетто. Этот эпизод должен был символизировать разрыв с прежним курсом западногерманской внешней политики и просьбу о прощении от имени немецкого

²² Г. Шмидт (1918–2015) в 1936 г. был участником марша А. Гитлера из Гамбурга в Нюрнберг на Нюрнбергский партийный съезд, служил в противовоздушной обороне Бремена, воевал на Восточном фронте, а с 1944 г. – на Западном фронте в качестве артиллериста. В марте 1945 г. попал в плен к союзникам, где пробыл до августа 1945 г.

²³ Г. Коль (1930–2017) с декабря 1944 г. проходил военную подготовку в учебном лагере Берхтесгаден.

²⁴ Г.-Д. Геншер (1927–2016) в 1943 г. был призван в подразделение ПВО в качестве помощника, в мае 1945 г. в звании ефрейтора участвовал в битве за Берлин, попал в плен сначала к американцам, а затем к британцам.

²⁵ *Aly G. Unser Kampf: 1968 – ein irritierter Blick zurück.* Frankfurt a. M., 2008. S. 191.

²⁶ *Hodenberg Ch. von. Zur Generation der 45er: Stärken und Schwächen eines Deutungsmusters // Aus Politik und Zeitgeschichte.* 2020. 20 Januar. No. 4–5. S. 04–09.

народа²⁷. Мир должен был увидеть и понять, что современные немцы уже другие, что они извлекли уроки из прошлого. Одновременно через покаяние В. Брандт открывал немцам путь к преодолению своей инаковости по сравнению с другими народами и обретению ими идентичности нормальной нации. Однако этот путь не был гладким из-за сопротивления правоконсервативных представителей старшей возрастной группы и поколения 1945 г., которые хотели подвести черту под прошлым.

В середине 1970-х гг. возникают ритуально-риторические формы осмысления прошлого, которые приобретают масштабы индустрии. Это символические решения, памятные речи, создание монументальных памятных мест, организация выставок, открытие исторических музеев. Из печати выходит много книг с бесконечно варьирующимися названиями "Третий рейх и...". Порой такие акции наводили наблюдателей на вопрос, насколько искренна такая политика и сколько в ней оппортунизма.

Западногерманские политологи и публицисты (Й. Йоффе, Юлия Кёльш) обратили внимание на противоречивость культуры воспоминания в ФРГ, за которой, на их взгляд, скрывались политические прагматичные мотивы – от "страха вины" до "обязанности помнить". Эту проблему консервативные политики и интеллектуалы пытались снять через обращение к "благополучной" истории Германии как основе формирования немецкой идентичности. Нередко это оборачивалось попытками "нормализации" истории национал-социализма.

Так, в 1970-е гг. в ФРГ усилилась тенденция к отрицанию и преуменьшению масштабов уничтожения евреев. Выражались сомнения и в отношении существования газовых камер. Подобные умонастроения (типичные для представителей консервативных кругов) получили название *ревизионизма* или *негативизма*. В целях противодействия этим явлениям в 1978 г. по телевидению ФРГ был показан американский четырёхсерийный фильм "Холокост", который потряс массового зрителя и привнёс изменения в официальную историческую политику. Общество немецкого языка объявило, что в 1979 г. слово "Холокост" вошло в политический лексикон ФРГ.

С этого времени западногерманские историки включились в процесс изучения Холокоста. Если в центр своих разработок немцы поставили вопрос "Как это могло произойти?", то израильские учёные спрашивали о другом: "Почему это произошло с нами?" Вследствие этого в исследованиях доминировали разные по национальному звучанию темы. В Германии внимание было сфокусировано на преступниках и генезисе "окончательного решения еврейского вопроса", в то время как израильские учёные концентрировали своё внимание на судьбе жертв и антисемитизме²⁸.

Поскольку попытки ревизионистов подвергнуть сомнению Холокост продолжались, в 1985 г. был принят закон "О лжи об Освенциме"

²⁷ Коленопреклонение В. Брандта поляризовало немецкое общество. Со временем оно стало активно использоваться как пропагандистский штамп, который приветствовался левыми в качестве символа политики примирения, основанной на моральных принципах, но воспринимался представителями правых консервативно-националистических кругов как фарс.

²⁸ *Bajohr F.* Nach dem Zivilisationsbruch. Stand und Perspektiven der Holocaustforschung // *Aus Politik und Zeitgeschichte.* 2020. 20 Januar. No. 4–5. S. 25–30.

с дополнениями от 1992, 2002 и 2005 г., согласно которым отрицание Холокоста преследуется в ФРГ по закону. В 2005 г., в соответствии со сложившимся ритуалом осмысления негативного прошлого, в центре Берлина был возведён мемориал в память о Холокосте по проекту американского архитектора П. Айзенмана (2700 бетонных стел). Этот памятник был неоднозначно воспринят отдельными представителями поколения 1945 г. Так, известный в Германии писатель М. Вальзер выразил возмущение по поводу рутинной практики обвинения немцев и "монументализации" их позора через "бетонирование центра столицы кошмаром величиной в футбольное поле". Этим заявлением М. Вальзер солидаризировался со сторонниками подведения черты под нацистским прошлым.

Тема нормализации немецкой идентичности получила новое развитие с приходом в 1982 г. к власти в ФРГ председателя ХДС Гельмута Коля, считавшего себя политическим внуком К. Аденауэра. Канцлер Г. Коль заявил, что его поколение намерено сосредоточить своё внимание на будущем, потому что благодаря более позднему рождению (*Gnade der späten Geburt*) оно, в отличие от своих предшественников, не отягощено грехами нацистского прошлого. Председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге Альфред Дреггер²⁹ был более категоричен. По его словам, настало время для всех немцев выйти из тени Гитлера и стать нормальными.

Прологом к обретению западными немцами "нормальности" явились события 1985 г. – сороковой годовщины окончания Второй мировой войны и капитуляции германского рейха. В тот год Михаил Горбачёв стал генеральным секретарём политбюро ЦК КПСС, а американский президент Рональд Рейган начал подготовку к новому витку конфронтации с нашей страной.

Если социал-демократические канцлеры В. Брандт и Г. Шмидт избегали следовать за резкими движениями США в их противостоянии с СССР, то Г. Коль более решительно становился на сторону Соединённых Штатов как в военно-политических вопросах, так и в пропагандистской антисоветской риторике. В такт Р. Рейгану, назвавшему СССР "империей зла", Г. Коль сравнил М. Горбачёва с Геббельсом (1986 г.), поставив таким образом знак равенства между коммунистом и нацистом. Эти заявления оказались тесно связанными с событиями, которые задали вектор дискуссии об отношении западных немцев к своему прошлому и вписались в вызов Запада исторической правде о Великой Отечественной и Второй мировой войне.

В 1984 г. западные союзники впервые широко, с масштабным сопровождением в СМИ отпраздновали сорокалетие своей высадки в Нормандии. Эту акцию и вызванный ею международный резонанс Р. Рейган совместил с президентской гонкой в США, чтобы от лица представителя военного поколения подчеркнуть решающий, по официальной американской версии,

²⁹ А. Дреггер (1920–2002) представлял в ХДС/ХСС правое консервативно-националистическое крыло. В 1939 г. был призван в вермахт, командовал батальоном на Восточном фронте в звании капитана, получил четыре ранения. Известен как убеждённый противник критики вермахта, выступал против работы передвижной выставки "Преступления вермахта 1941–1944". В течение десятилетий считался самым непримиримым оппонентом левых. А. Дреггеру принадлежит лозунг "Свобода вместо социализма".

вклад Соединённых Штатов в разгром гитлеровской Германии и отдать должное ветеранам, за симпатии которых в ходе предвыборной кампании он боролся.

Спустя год, 8 мая 1985 г., президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер³⁰ в своём выступлении в бундестаге по случаю сороковой годовщины окончания Второй мировой войны впервые объявил дату 8 мая 1945 г., которая десятки лет в ФРГ не считалась поводом для праздника, Днём освобождения немецкого народа от человеконенавистнической системы нацистского насильственного господства. Часть немецких историков восприняла речь президента в контексте прошлогоднего чествования высадки союзников в Нормандии и квалифицировала её как акт следования в фарватере американской исторической политики и выражение благодарности США за освобождение.

К сороковой годовщине окончания войны Г. Коль и Р. Рейган³¹ приурочили совместное посещение немецкого военного кладбища в Битбурге. Чёткая смысловая нагрузка этого мероприятия состояла в том, чтобы заявить о новых реальностях: похороненные на кладбище уже предстали перед Высшим судом, и люди не должны притязать на то, чтобы выносить суждения о других и свой приговор им. Отсюда следовал вывод: негативная история заканчивается со смертью носителей осуждаемых действий.

В 1986–1987 гг. тема "нормальности" и преодоления немцами негативных аспектов своей истории получила дальнейшее развитие в "споре историков"³². В центр дискуссии были поставлены два вопроса. Первый – как следует относиться к преступлениям германского фашизма (т.е. правомерно ли считать их "особыми", "единственными в своём роде" или они вполне сопоставимы с другими преступлениями, имевшими место в истории человечества)? И второй – в чём причины Второй мировой войны и кто виноват в её развязывании?

Главными противниками в споре выступили профессор Свободного университета Западного Берлина Эрнст Нольте и философ Юрген Хабермас. Первый представлял подходы западногерманского "остфоршунга", восходящие к гитлеровским пропагандистским штампам. Профессору Э. Нольте ассистировали его единомышленники и коллеги – М. Штюмер (советник канцлера Г. Коля), А. Хилльгрубер, И. Фест, Ю. Хильдебрандт. На сторону Ю. Хабермаса, который выступал с левоцентристских позиций, встали историки Г. Моммзен, Э. Йеккель, публицист Р. Аугштайн (редактор журнала "Шпигель").

³⁰ Р. фон Вайцзеккер (1920–2015) в 1937 г. руководил отделением гитлерюгенда в Берлине, в 1939 г. был призван в вермахт, участвовал в военных операциях в Польше и на Восточном фронте, награждён Железным крестом первого и второго классов, был ранен. На 11-м Нюрнбергском процессе входил в группу защитников своего отца, работавшего в гитлеровском МИД.

³¹ В 1985 г. партийный соратник канцлера А. Дреггер написал письмо сенаторам США, в котором предупреждал, что, если они отговорят президента Р. Рейгана от посещения военного кладбища в Битбурге, он воспримет это как оскорбление своего брата и товарищей, погибших на войне.

³² "Historikerstreit": Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München: Piper Verlag, 1987.

В ходе "спора историков" Э. Нольте потребовал восстановить в правах теорию тоталитаризма как базу для осмысления истории. В 1950–1960-х гг. западногерманские консервативные историки, занимавшиеся восточно-европейскими исследованиями, использовали эту теорию как главное идеологическое оружие в борьбе с СССР и другими социалистическими странами. Они, в частности, ставили на одну доску фашизм и коммунизм, чтобы релятивировать первый и дискредитировать второй. В ходе же дискуссии 1986–1987 гг. делались попытки представить коммунизм как самое большое зло, как главного врага и основную угрозу человечества.

По мнению Э. Нольте, преступления нацистов можно объяснить и понять лишь на фоне других преступлений века, прежде всего "совершенных в Советском Союзе". В действиях нацистов он усмотрел только реакцию на предшествующие "преступления большевиков", указав на "причинно-следственную связь" между "убийством по классовым соображениям" и "убийством по расовым соображениям".

При определении виновников развязывания Второй мировой войны Э. Нольте и его сторонники вытаскивали из идеологических запасников "остфоршунга" старый гитлеровский тезис о превентивной войне. В их интерпретации И. Сталин был поджигателем мировой войны на Западе и на Востоке, а А. Гитлер – политиком, который вёл против Советского Союза превентивную войну. План "Барбаросса" преподносился как такой превентивный удар, позволивший одному агрессору, А. Гитлеру, опередить другого.

Как показал "спор историков", важным средством сопротивления принятию своей исторической ответственности за трагедию Второй мировой войны стали переключение внимания на другие темы и их абсолютизация, а также поиск и раздувание негативных периодов в истории других стран. Средством "нормализации" прошлого Германии стало очернение СССР и его истории, включая военный период.

В позиции Э. Нольте и его единомышленников Ю. Хабермас различил чёткие апологетические тенденции, типичные для западногерманской историографии новейшего времени. Цель историков, способствующих закреплению таких тенденций, Ю. Хабермас увидел в том, чтобы преуменьшить преступления Третьего рейха, лишить нацистские преступления их исключительности, высветить позитивные аспекты немецкой истории, проведя связующую нить между предвоенным периодом и современностью, и в конечном счёте освободить Германию от её исторического бремени и исторического долга.

Э. Нольте и его сторонники заявляли, что для них превыше всего наука, а для неё нет запретных вопросов. Однако концепции Э. Нольте, фальсифицирующие историю Второй мировой войны, трудно рассматривать в отрыве от политики. Примечательно, что его "научные" подходы вписывались в реальную политику ФРГ, лидеры которой, в частности Г. Коль, были заинтересованы в преодолении негативных и связывающих последствий прошлого, и прежде всего раскола Германии, как платы за преступления национал-социализма.

После "спора историков" прежняя ФРГ, а потом и объединённая Германия пережила ещё не одну дискуссию по теме нацистского периода в своей истории, и, по-видимому, ещё долго в этом вопросе не будет поставлена точка. Толчком для возобновления дискуссии служат памятные

даты, например связанные с началом и окончанием Второй мировой войны, освобождением Красной армией нацистских концентрационных лагерей, появление книг и кинофильмов, открытие документальных центров и организация выставок, посвящённых событиям Второй мировой войны, полемические выступления немецких историков, политиков, публицистов.

В сущности, в процессе осмысления немцами негативного прошлого по сей день сталкиваются два подхода. С одной стороны, речь идёт о желании вытеснить и забыть нацистский период как завершившуюся эпоху, не оказывающую влияния на политическое настоящее. Сторонники такого подхода считают, что пора прекратить заниматься самоистязанием, поскольку немецкий народ своими страданиями и жертвами заплатил по всем счетам. Обращение СМИ к фактам нацистских преступлений квалифицируется как "целенаправленная кампания" и "очередной спектакль". Когда же обсуждение острой темы выходит на международный уровень, немцы нередко видят себя в роли жертв антигерманских настроений и предрассудков других наций.

С другой стороны, отстаивается точка зрения, в соответствии с которой каждое поколение немцев должно осмысливать прошлое, видя в нём предпосылку формирования духовной ориентации в настоящем и будущем, что помогает избежать ошибок, не теряя из виду того, что прежде было сделано правильно. Согласно такому подходу, "нормальность" нации достигается не избавлением от бремени прошлого, а через принятие истории и осмысление её в настоящем, поэтому в продолжении дискуссии видится залог побуждения немцев к самокритичным размышлениям и осознанию своей ответственности³³.

Осмысление нацистского прошлого в ГДР проходило в условиях интеграции восточных немцев в новый общественный порядок. Немецкие коммунисты и социалисты, освобождённые из нацистских тюрем и возвратившиеся из эмиграции, были готовы отдать все свои силы на службу целям, за которые они так долго боролись³⁴. Если ФРГ противопоставляла себя гитлеровскому режиму как парламентская демократия западного образца, то ГДР позиционировала себя как антифашистское государство народной демократии. Период национал-социализма рассматривался как чужая история. ГДР отказывалась идентифицировать себя с преступлениями Третьего рейха, видела себя антиподом ФРГ, где "притаился фашизм". При этом подразумевалось, что "первое государство рабочих и крестьян на немецкой земле", как лучшая, антифашистская часть Германии, принадлежит к победителям в борьбе с нацистской диктатурой.

Легитимация представителей гитлеровских вооружённых сил была сложнее, чем в ФРГ, ведь вермахт рассматривался как фашистский, а с его бывшими солдатами и офицерами предстояло строить социализм. Определяющим для восточногерманского послевоенного общества было понятие "изменение" (*Wandlung*), которое совмещало мифотворчество, оппортунизм, честное предложение сотрудничества и осознанное стремление к переменам.

Открытость к изменениям была наиболее убедительной у участников Сталинградской битвы, которые под влиянием приобретённого опыта

³³ *Habermas J.* The Past as Future. Lincoln: University of Nebraska Press, 1994.

³⁴ *Tiele W.* Geschichte zur Geschichte. Berlin, 1981. S. 193.

и пережитого на Восточном фронте отказались от взглядов, сформировавшихся при гитлеровском режиме. Например, генерал вермахта Отто Корфес в своей первой почтовой открытке, отправленной на родину из советского плена, писал, что ужасный Сталинград преобразил его и открыл ему глаза³⁵.

По многим свидетельствам, Сталинградская битва рассматривалась не только военнослужащими, но и широкими слоями немецкого населения как исходный пункт горького процесса пересмотра своего мировоззрения и перерождения. Идея "изменения", а также связанное с её реализацией представление о катарсисе прочно вошли в идеологический и пропагандистский арсенал ГДР. Впоследствии они получили развитие в фильме киностудии ДЕФА "Совість пробуждается", который демонстрировался по советскому телевидению.

Пробуждение совести началось с того, что участники боёв под Сталинградом чувствовали себя преданными гитлеровским руководством как никакая другая группа военнослужащих вермахта. Эти настроения, нашедшие отражение в романе Г. Вельца "Гренадёры, которых предали", побудили немецких военнопленных стать членами национального комитета "Свободная Германия" и/или вступить в антифашистскую организацию "Союз немецких офицеров", чтобы принять активное участие в пропагандистских акциях Главного политуправления Рабоче-крестьянской Красной армии по приближению падения гитлеровского режима и скорейшему окончанию Второй мировой войны.

Многим немецким "сталинградцам", зарекомендовавшим себя надёжными союзниками в борьбе с А. Гитлером, отводилась важная роль также и в послевоенной Германии. Однако путь в Западную Германию был им отрезан из-за клейма предателей, которое они там получили, поэтому после освобождения из плена естественным и закономерным выбором немецких "сталинградцев" была ГДР.

Об участии бывших офицеров вермахта в процессе перемен в Восточной Германии свидетельствуют их биографии. Так, главнокомандующий 6-й армией, сражавшейся под Сталинградом, фельдмаршал Фридрих Паулюс по возвращении из советского плена заявил, что пришёл в СССР как враг, а уходит как друг. Он участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля (И. Сталин не разрешил отдать его под суд). В 1954 г. в ГДР Ф. Паулюс начал свою преподавательскую деятельность, будучи начальником создававшегося Военно-исторического центра в Дрездене, читал лекции о военном искусстве в Высшей школе казарменной народной полиции (предтеча армии ГДР), делал доклады о Сталинградской битве. В своих публичных выступлениях он осуждал "западногерманский милитаризм" и подвергал критике политику Бонна, отказавшегося принять предложение СССР о воссоединении Германии при условии обретения ею нейтрального статуса.

Вышеупомянутый генерал О. Корфес, имевший гражданскую профессию архивного работника, вначале был назначен руководителем Центрального архива ГДР в Потсдаме. Однако вскоре по предложению главнокомандующего советской группой войск в Восточной Германии маршала

³⁵ *Wegner-Korfes S.* Weimar – Stalingrad – Berlin: Das Leben des deutschen Generals Otto Korfes. Berlin, 1994.

В. И. Чуйкова генерал О. Корфес вернулся на военную службу, чтобы принять участие в строительстве будущей армии ГДР.

Примером интеграции в формирующуюся элиту ГДР бывших гитлеровских военных может служить и жизненный путь полковника В. Адама, в прошлом адъютанта Ф. Паулюса. В восточногерманской земле Саксония он стал министром финансов и председателем Национал-демократической партии Германии, входившей в Национальный фронт с Социалистической единой партией Германии (СЕПГ). В 1953 г. В. Адам снова надел военную форму, получив назначение командиром Высшей офицерской школы в Дрездене³⁶.

В сущности, в биографиях Ф. Паулюса, О. Корфеса, В. Адама и других бывших генералов и офицеров вермахта был воспроизведён опыт молодой Советской республики по привлечению в Красную армию военных специалистов царского времени. В ФРГ же такие биографии рассматривались как примеры мифотворчества, сопровождавшие процесс "изменений" в ГДР.

В 1957 г. по инициативе руководства СЕПГ была учреждена Организация делового сотрудничества бывших офицеров (*Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere – AeO*). Её члены участвовали в создании Вооружённых сил ГДР и, в противовес "реваншистской" ФРГ, подчёркивали патриотический, национальный и миролюбивый характер политики Восточной Германии. То обстоятельство, что генералы до изменения своих взглядов через сталинградский опыт не были коммунистами, обеспечивало убедительность пропагандистских акций ГДР в информационно-психологической войне с Западом.

В 1968 г. политика дружбы с Советским Союзом была закреплена в Конституции ГДР. Общество германо-советской дружбы насчитывало миллионы членов, причём за официальным фасадом зачастую развивались искренние личные отношения. Немцы ГДР во многом способствовали улучшению имиджа немецкой нации среди русских и других национальностей СССР, заложив основы примирения народов, противостоявших в жестокой войне. Воспоминание о Второй мировой войне и её историческое толкование складывались в русле советско-восточногерманских союзнических связей и противостояло доминировавшей на Западе позиции США.

В Восточной Германии господствовал подход, согласно которому война началась с захвата власти А. Гитлером и стоявшим за ним монополистическим капиталом и закончилась освобождением от национал-социализма в мае 1945 г. В западногерманской версии объявление А. Гитлером войны Польше 1 сентября 1939 г. положило начало Второй мировой войне, а её окончание в течение десятилетий рассматривалось в контексте поражения и капитуляции германского рейха, в отношении которого власти ФРГ долгое время придерживались теории правопреемства.

В ГДР считали, что решающий вклад в Победу внёс Советский Союз, а преступления нацизма ассоциировались в первую очередь с агрессивной войной на Востоке и вызванными ею жертвами и опустошениями. В Западной Германии, согласно официальной точке зрения, успешный исход

³⁶ *Adam W.* Der schwere Entschluß. Berlin (Ost), 1965.

войны обеспечили США, а самым тяжким и исторически беспрецедентным преступлением был Холокост. Евреи как отдельная категория жертв в ГДР не упоминались, поскольку на Нюрнбергском процессе Холокост не рассматривался в качестве самостоятельного пункта обвинения, а фигурировал как один из многих примеров преступлений против человечности. Никаких дискуссий о Холокосте в Восточной Германии не было, равно как не шла речь и о возмещении ущерба Израилю³⁷. Эту задачу взяла на себя Западная Германия³⁸ в целях искупления вины и создания благоприятных условий для своей интеграции в Европейское экономическое сообщество.

В центр исторического воспоминания в ГДР были помещены нападение гитлеровской Германии на СССР и организованная на базе коммунистического подполья освободительная борьба немецких антифашистов в поддержку Советского Союза. Страдания гражданского населения, и в частности бомбардировки немецких городов, использовались главным образом как политический аргумент в холодной войне. Так, подчёркивалось, что руинами городов и трупами, погребёнными под их развалинами, восточные немцы обязаны Америке и Великобритании³⁹. На этом фоне выражалась благодарность СССР за восстановление страны и за то, что немцы ГДР сохранили силы для жизни.

Убитый нацистами коммунист Эрнст Тельман стал в ГДР культовой фигурой. Наравне с памятником жертвам фашизма на улице Унтер-ден-Линден в Восточном Берлине политическое значение приобрели символические могилы Неизвестному борцу Сопротивления и Неизвестному Солдату.

В то время как на востоке героизировалось антифашистское Сопротивление, на западе культивировался образ немцев как пассивных страдальцев и жертв бессовестного и коварного гитлеровского режима. Западные немцы видели себя жертвами поражения под Сталинградом, несчастными беженцами, спасавшимися от наступавшей Красной армии, жертвами оккупационных властей, политики "изгнания" ("потсдамская травма"), бомбардировок и пр. Противопоставление фюреру и его клике участников неудавшегося заговора против А. Гитлера 20 июля 1944 г. делалось с осторожностью, поскольку участники заговора воспринимались не как герои, а в большей степени как жертвы. Кроме того, существовало сомнение в отношении того, поддержал бы народ заговорщиков в случае их успеха.

³⁷ Только весной 1990 г., когда вопрос об объединении Германии стал чисто техническим, парламент и правительство ГДР признали ответственность всей Германии за Холокост. Не имея средств на выплату компенсации Израилю, Восточная Германия открыла границы всем евреям, которые хотели эмигрировать из Советского Союза.

³⁸ В соответствии с германо-израильским договором от 10 сентября 1952 г., Западная Германия в течение 12 лет выплатила Израилю 3 млрд марок компенсации.

³⁹ С весны 1942 г. Великобритания перешла к систематическим бомбардировкам немецких городов. У. Черчилль даже носился с идеей рассеивать над немецкими городами отравляющий газ, но британские генералы этому воспротивились. По западным оценкам, бомбардировки предприятий ВПК и железных дорог на несколько месяцев сократили войну, но налёты на жилые районы обернулись значительными жертвами среди гражданского населения (погибли свыше 600 тыс. немцев) и повергли в развалины некоторые города. Бомбардировку в феврале 1945 г. Лейпцига сам У. Черчилль квалифицировал как акт "бессмысленного разрушения". См.: *Wiegrefe K. "Sieg um jeden Preis" // Der Spiegel. 2010. No. 33. S. 56–67.*

В послевоенный период немцы в Западной и Восточной Германии прошли разные пути и в развитии национального самосознания. Свои национальные травмы, доставшиеся от нацистского прошлого, западные немцы врачевали новыми формами самоидентификации, например такими, как "экономическое чудо", твёрдая немецкая марка, золотые олимпийские медали, принадлежность к западноевропейским интеграционным структурам. В прежней ГДР на первый план выдвигалась широкая пропаганда создания социалистической немецкой нации, которая формировала национальные чувства восточных немцев.

В то же время поиск новых форм самоутверждения толкал немцев – как на западе, так и на востоке – к миссионерскому рвению и поведению образцового ученика. Западные немцы стремились быть лучшими европейцами и наиболее экологически сознательными гражданами. В рамках социалистической системы восточные немцы долго проявляли себя как наиболее последовательные и бескомпромиссные коммунисты. И свою мирную революцию они совершили самыми последними в Восточной Европе.

Развитие германо-германских отношений в 1980-е гг.

На первых порах блок ХДС/ХСС был оппонентом восточной политики В. Брандта вплоть до обращения с иском в федеральный Конституционный суд. С аналогичных позиций выступал и Союз изгнанных, добившийся в 1973 г. решения Конституционного суда о формальном продолжении существования Германии в границах 1937 г. В течение многих лет представители правительств В. Брандта и Г. Шмидта и позднее Партия зелёных упрекали переселенческие организации в том, что они были сторонниками холодной войны и тормозили процесс разрядки. Их называли "вечно вчерашними" и помехой какого-либо примирения.

Впоследствии ХДС/ХСС стал постепенно присоединяться к внешнеполитической ориентации, которую инициировало и отстаивало правительство социально-либеральной коалиции. Этому способствовало обретение демокристами правительственной ответственности в коалиции с бывшим партнёром социал-демократов – СвДП, лидер которой Г.-Д. Геншер вместе с В. Брандтом проводил в жизнь восточную политику.

Жёсткость конфликта во взаимоотношениях между ФРГ и ГДР шаг за шагом смягчалась. Несмотря на то что оставалась Берлинская стена, а в вопросе нелегального пересечения границы между ГДР и ФРГ действовал приказ о стрельбе на поражение, между обоими государствами развивались и упрочивались особые формы взаимодействия.

Примечательно, что свой вклад в развитие германо-германских связей внёс и Союз изгнанных, который приспособил свою тактику к изменившимся условиям и стал продвигать идею единства нации как эффективное средство достижения свободной Европы. В европейской концепции Союза изгнанных, в частности, подчёркивалось, что немецкая нация, частично принадлежащая к свободному миру, частично связанная с коммунистическим Востоком, образует сегодня этнический, культурно-политический,

но прежде всего политический мост между Западной и Восточной Европой, который соединяет континент. Достижение немецкого единства виделось через интенсификацию личных контактов между двумя частями Германии, с тем чтобы не была потеряна мысль о принадлежности западных и восточных немцев к одной нации. Такие подходы соответствовали политике христианско-либеральной коалиции во главе с Г. Колем на направлении германо-германских отношений.

Г. Коль официально провозгласил себя "канцлером всех немцев" и пригласил на историческую родину лиц немецкого происхождения, предки которых, начиная с XII–XIV вв., переселялись из германских земель на Восток, заселяли и осваивали западные территории Чехии, Польши, Трансильвании, Прибалтику и Закарпатье, а также малонаселённые регионы Российской империи. В соответствии со статьёй о германском гражданстве Основного закона ФРГ, этнические немцы могли претендовать на гражданство ФРГ и предоставление им всех ключевых прав, которыми пользовались западные немцы. Так канцлер Г. Коль открыл канал нарастающей миграции этнических немцев из Восточной Европы и СССР в богатую и процветающую ФРГ. С середины 1980-х гг. правила выезда в ФРГ были смягчены и в ГДР.

ФРГ охотно шла навстречу лидеру СЕПГ Э. Хонеккеру, который стремился укрепить респектабельность ГДР в глазах западного общественного мнения. Критика "первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян" на официальном уровне практически отсутствовала. СМИ сообщали об экономических успехах ГДР. И это не было лакировкой действительности, поскольку в социально-экономическом отношении дела в ГДР, которая считалась витриной государств социалистического содружества, шли не так уж плохо. По крайней мере достижения и гарантии в социальной сфере ГДР до сих пор не забыты восточными немцами, живущими в объединённой Германии. В то же время ФРГ в роли витрины благосостояния и процветания Запада как магнит притягивала взоры граждан Восточной Германии (в основном рабочих профессий), которые хотели жить, как западные немцы.

Успехи ГДР во многом подпитывались помощью СССР с востока, а потом и ФРГ с запада. В июне 1983 г. ФРГ предоставила ГДР миллиардный кредит. Затем западногерманская помощь была поставлена на регулярную основу и стала, по признанию Г. Коля, частью стратегии Бонна по стимулированию личных контактов в рамках германо-германских отношений и подрыву устоев коммунистического режима.

Премьер-министры западногерманских земель теперь регулярно навещались в Восточный Берлин, где встречали радушный приём Э. Хонеккера. Завязывались и укреплялись связи между западногерманской СДПГ, особенно её левым крылом, и восточногерманской СЕПГ. И наконец, в сентябре 1987 г. состоялся государственный визит Э. Хонеккера в ФРГ, в ходе которого он посетил Бонн, Мюнхен и свой родной город Саарбрюккен. Состоялась его встреча с Г. Колем на официальном уровне. В Москве смотрели с подозрением на германо-германское сближение.

До осени 1989 г. на Западе не верили в возможность скорого объединения двух германских государств, поскольку там считали, что СССР из стратегических соображений не допустит потери ГДР.

Тандем Горбачёва – Коля

Советский Союз сыграл ведущую роль как в создании ГДР, так и в её печальном финале. М. Горбачёв стал "могильщиком" не только для СССР, но и для ГДР. Его политика перестройки и "нового мышления" существенно ослабила экономические, политические и информационно-психологические позиции СССР в противостоянии с Западом, вдохновила "бархатные революции" в Восточной Европе и в конечном счёте дала зелёный свет объединению Германии.

В послевоенный период большинство западногерманских политиков видели путь к воссоединению страны через коллапс ГДР, который должен был произойти в результате реализации "теории магнита" К. Шумахера и концепции "политики с позиции силы" К. Аденауэра. В конце 1980-х гг. эти подходы сработали ввиду сложившихся благоприятных условий для их успешного осуществления.

На политику реформ М. Горбачёва и его заявления об общем "европейском доме" первыми откликнулись немцы в лице министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера, уроженца восточногерманского города Галле. Он сказал, что Запад должен отнестись к М. Горбачёву серьёзно, чтобы не упустить исторический шанс.

Задача западногерманских политиков облегчалась нарастанием кризисных явлений в СССР. На пятом году перестройки Советский Союз переживал период социально-экономической нестабильности, нарушения внутривластных связей, усиления политической и межнациональной конфронтации. На международной арене страна быстро утрачивала статус сверхдержавы и становилась объектом политики Запада. На этом фоне престиж М. Горбачёва внутри СССР заметно падал, и он имел все основания для беспокойства о сохранении своей власти.

Для поддержки экономики на плаву и недопущения взрыва народного недовольства требовались деньги, которые в государственном бюджете отсутствовали. Обращение в 1986–1987 гг. к Западу с призывом создавать совместные предприятия не принесло ожидаемых результатов. Хотя западногерманские малые и средние предприятия первыми откликнулись на приглашение советской стороны, деловые круги ФРГ всё же призывали к наивысшей осторожности в связи с политической и экономической нестабильностью в СССР. Помощь застопорившейся перестройке они представляли себе только в рамках кредитных гарантий западногерманского государства. Бизнесмены ФРГ не скрывали, что они далеки от альтруизма и не привыкли выбрасывать деньги на ветер.

Далёк от альтруизма был и Г. Коль. Как впоследствии вспоминал сам канцлер, во время визита М. Горбачёва в ФРГ в июне 1989 г. он дал понять советскому лидеру, что Бонн предоставит Советскому Союзу значительную помощь, если М. Горбачёв не будет препятствовать германскому единству. По итогам встречи было принято совместное заявление, в котором было подчёркнуто намерение сторон сделать выводы из уроков истории и наладить прочные связи в таких областях, как разоружение, взаимная торговля и молодёжный обмен.

Что касается выводов из уроков истории, то идеологи "нового мышления" в СССР не заставили себя ждать. 24 декабря 1989 г. М. Горбачёв

подписал Постановление II съезда народных депутатов СССР "О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года". В оценках договора авторы данного постановления солидаризировались с западными составителями сборника "Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг."⁴⁰ и единомышленниками Э. Нольте в споре западногерманских историков (1986–1987 гг.).

Постановление II съезда до сих пор играет на руку фальсификаторам истории Второй мировой войны, ставящим на одну доску агрессора и объект агрессии, нацизм и коммунизм, А. Гитлера и И. Сталина. Кроме того, в подготовительный период объединения Германии этот документ означал согласие его составителей с относительностью вины Третьего рейха за развязывание Второй мировой войны. Постановление позволило фальсификаторам встать на путь пересмотра освободительной миссии Красной армии и облегчило разрыв союзнических отношений ГДР и других государств Варшавского договора с Советским Союзом.

Хотя вопрос о перспективах германского единства в заявлении ФРГ и СССР не был отражён, дальнейшие события показали, что генсек политбюро ЦК КПСС принял предложение немецкого канцлера. Впоследствии в западных средствах массовой информации советское согласие на объединение Германии и готовность западногерманской стороны оказать помощь перестройке были расценены как результат прямой сделки между Г. Колем и М. Горбачёвым. Иначе прокомментировал ситуацию Х. Тельчик, тогдашний внешнеполитический советник Г. Коля. Щедрую экономическую и финансовую поддержку Советского Союза он квалифицировал как акт солидарности и дружбы, который может создать совершенно новую и долгосрочную основу доверия. В то же время Х. Тельчик признал, что помощь Советскому Союзу в беде – это "звёздный час, подарок истории".

С конца 1980-х гг. 60 % экономической и 90 % гуманитарной помощи Запада Советскому Союзу приходилось на ФРГ. "Помощь в беде" оборачивалась быстрорастущим внешним долгом СССР. Основным кредитором была ФРГ.

По мнению западногерманских бизнесменов, состояние экономики СССР не позволяло эффективно и с пользой для народного хозяйства распорядиться поступавшими из-за рубежа финансовыми средствами. Однако федеральное правительство продолжало выделять кредиты под М. Горбачёва, которые имели не только экономическое, но и политическое назначение. В частности, под государственные гарантии банки ФРГ предоставили Советскому Союзу кредит в размере 22 млрд марок.

Сложился тандем Горбачёва – Коля, участники которого находились в тесной взаимозависимости, причём советский лидер всё чаще скатывался на позиции младшего партнёра. Западногерманский канцлер опасался свержения М. Горбачёва "консервативными силами", которые могли перечеркнуть его планы. Тогда исторический шанс был бы упущен. Эти

⁴⁰ В выступлении идеолога перестройки А. Н. Яковлева на II съезде народных депутатов этот сборник фигурировал под названием "Национал-социалистская партия Германии и Советский Союз. 1939–1941 годы". На этот сборник А. Н. Яковлев сослался как на источник, содержащий текст дополнительного секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении.

обстоятельства понуждали Г. Коля, с одной стороны, экономически поддерживать политическое выживание советского руководителя, а с другой – форсировать германский объединительный процесс.

Г. Коль спешил также по причине внутривнутриполитического характера. Ему было важно не только объединить Германию, но и остаться её канцлером. Приближались очередные выборы в бундестаг, которые должны были состояться в декабре 1990 г. Однако за восемь лет пребывания у власти электоральный рейтинг канцлера, собиравшегося идти на третий срок, стал снижаться, и социал-демократы, укрепившие свои позиции на уровне федеральных земель, стремились перехватить у него власть. Г. Коль знал, что по теме немецкого единства социал-демократы, выступавшие за постепенное германо-германское сближение, будут его оппонентами, поэтому он хотел добиться объединения двух суверенных государств до парламентских выборов в ФРГ, чтобы поставить социал-демократическую оппозицию перед свершившимся фактом, а самому выступить на выборах в ореоле славы канцлера немецкого единства.

М. Горбачёв также был заинтересован в том, чтобы канцлером объединённой Германии был Г. Коль, поскольку обещания экономической помощи он получил именно от него. Вследствие этого, когда встал вопрос о темпах и путях объединения Германии, М. Горбачёв поддержал позицию Г. Коля, а не его социал-демократического оппонента О. Лафонтена, который ратовал за длительный переходный период в экономическом и политическом срастании ГДР и ФРГ. Кроме того, О. Лафонтен выступал за одновременный роспуск НАТО и Организации Варшавского договора и создание системы панъевропейской безопасности.

Особые права СССР в отношении Германии в целом, зафиксированные в Потсдамском соглашении, советский лидер поставил на службу планам западногерманского канцлера. Во время визита в Москву 10 февраля 1990 г. Г. Коль и Г.-Д. Геншер добились от М. Горбачёва согласия на учреждение в сжатые сроки валютного союза между ФРГ и ГДР. Комментируя эту уступку, западногерманские газеты отмечали, что ключ к германскому единству возвратился из Москвы в Бонн.

В ходе встречи Г. Коля и М. Горбачёва в Архызе (июль 1990 г.) было достигнуто решение о вхождении объединённой Германии в НАТО. Правда, вначале советская сторона выступала с предложениями демилитаризованной и нейтральной Германии⁴¹ или одновременного членства Германии в НАТО и Организации Варшавского договора. Однако попытки отстоять интересы Советского Союза не могли быть слишком настойчивыми, поскольку в силу "нового мышления" М. Горбачёв попал в положение

⁴¹ Через 25 лет после объединения Германии немецкий историк Э. Йёссе позволил себе мыслительный эксперимент: что было бы, если бы советский политик в начале мирной революции в ГДР вытащил "немецкую карту" и, как Сталин в 1952 г., предложил объединение Германии при условии её нейтрального статуса? Э. Йёссе признавал, что размышления, в противовес фактам, носят праздный характер, в то же время они показывают открытость хода истории для разных вариантов. По мнению историка, повторение сталинского предложения привело бы к масштабному конфликту между восточногерманским населением и западногерманской политикой, вбило бы клин в лагерь западных союзников – с непредсказуемыми последствиями для немецкого единства и меняющихся политических настроений во всей Германии. См.: *Jesse E. Das Ende der DDR // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2015. 10 August. No. 33–34. S. 22.*

цугцванга (вынужденных шагов) и не мог себе позволить осложнять отношения с немецким канцлером и с США⁴². По этой причине он пошёл навстречу желаниям Г. Коля, который вместе с Г.-Д. Геншером делал обнадеживающие заявления, и не снизил скорость германского объединительного процесса.

По мнению западных политологов, адекватной компенсацией Советскому Союзу за геостратегический ущерб, связанный с потерей ГДР, была бы система европейской коллективной безопасности. Однако многим политикам на Западе казалось абсурдным, что система коллективной безопасности в Европе, являвшаяся одним из главных приоритетов советской внешней политики, может быть подарена СССР в период, когда он наиболее слаб.

Падение Берлинской стены. Что дальше?

Экономическое и международно-политическое ослабление Советского Союза в условиях политики перестройки и "нового мышления" не могло не сказаться на ситуации в странах Варшавского договора. Генеральный секретарь политбюро ЦК СЕПГ и председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер выступил решительным противником реформ в СССР и других странах социалистического содружества в версии М. Горбачёва, поскольку они сопровождались тенденциозной интерпретацией истории СССР и его восточноевропейских союзников и вели к смене общественно-политической системы под знаком борьбы с тоталитаризмом. Э. Хонеккер говорил: "Горбачёв хочет строить европейский дом. При этом мы все должны разрушить наши собственные дома"⁴³.

Однако политика перестройки настигла и ГДР, поскольку пробуждала надежды среди восточногерманской оппозиции, которая считала, что и в ГДР допустимы изменения, если реформы стали возможны в Москве. Ухудшение экономической и внутривнутриполитической ситуации в ГДР понуждало руководство страны идти на всё большие уступки оппозиции, а нежелание следовать в фарватере перестроечных процессов в Советском Союзе оборачивалось частичной зависимостью от ФРГ. Либерализация практики выезда граждан в ФРГ не уменьшила, а только увеличила количество претендентов на выезд. По мнению западногерманских политологов, не недостаточная, а слишком большая гибкость подорвала власть СЕПГ⁴⁴.

Население знало, что критика будет наказываться менее строго, чем раньше, и потому было готово идти на больший риск. Недовольство граждан было вызвано экономической ситуацией в стране, которая в сравнении с ФРГ считалась плохой, а также ограничениями поездок на запад

⁴² В США объединение Германии рассматривали с позиций долговременного противостояния Востока и Запада, которое увенчалось победой Запада. В достижении германского единства на условиях Запада американские стратеги видели возможность дальнейшего ослабления СССР, разрушения устоев "ялтинской" Европы и установления нового миропорядка. Говоря о вкладе США, Г. Коль подчёркивал, что на американских друзей можно абсолютно положиться, что более сильной поддержки невозможно и желать и что этого он никогда не забудет.

⁴³ *Krenz E. Herbst*'89. Berlin, 1999. S. 28.

⁴⁴ *Jesse E. Das Ende der DDR*. S. 18–25.

и репрессиями, которые по мере их ослабления вызывали особое неприятие. Отдельным поводом для возмущений стало исчезновение из продажи бананов – любимого фрукта гэдээровцев. Оппозиционно настроенные граждане во всех недостатках обвиняли систему, которую ассоциировали с "диктатурой СЕПГ". Однако их критика наталкивалась на молчаливую лояльность населения по отношению к правящей партии. Большинство было пассивно и предпочитало занимать выжидательную позицию. Как это бывает во всех революциях, оппозиционное меньшинство должно было бороться за большинство.

Революция вошла в историю ГДР и единой Германии как мирная. Однако своим перерастанием в процесс объединения Германии она обязана активному вмешательству во внутренние дела ГДР канцлера Г. Коля.

Всё началось с решения венгерского правительства открыть 2 мая 1989 г. границу с Австрией. Десятки тысяч восточных немцев двинулись через Венгрию в ФРГ. Небольшая группа оппозиционеров, члены которой за редкими исключениями были неизвестны обществу, столкнулась с необходимостью поиска альтернатив бегству граждан из страны. На этом фоне стали возникать гражданские движения "Новый форум", "Демократия сейчас", "Демократический прорыв" (ДП). С середины сентября 1989 г. на граждан ГДР обрушился поток призывов, резолюций, открытых писем. Их разнородность свидетельствовала о расколе оппозиции. В то же время в обществе возникало впечатление, что во многих уголках страны независимо друг от друга действуют самые разные люди, которые желая покинуть ГДР противопоставили свой выбор – "Мы остаёмся здесь". Западные СМИ в решающей степени способствовали тому, что все призывы оппозиции становились известны. Это оказывало мобилизирующее влияние на общество. Тем не менее только незначительное меньшинство отваживалось выходить на уличные демонстрации и посещать церкви, в которых собиралась оппозиция.

Переломным моментом в ходе мирной революции стала 70-тысячная демонстрация в Лейпциге, которая состоялась вечером 9 октября 1989 г., после службы в четырёх церквях города. Демонстранты рисковали, поскольку власть могла воспользоваться "китайским опытом"⁴⁵. Однако рабочие дружины и военнослужащие Народной армии отказались выступить против демонстрантов, которые шли под лозунгом "Мы народ". Функционеры лейпцигского отделения СЕПГ приняли решение не вмешиваться, которое часом позже одобрил секретарь ЦК СЕПГ по вопросам безопасности Эгон Кренц.

После 9 октября люди, вышедшие на улицы восточногерманских городов с протестами против существующего порядка, уже больше ничем не рисковали. Министерство государственной безопасности (Штази) бездействовало, поскольку там знали, что поддержки из СССР не будет⁴⁶.

18 октября 1989 г. Э. Хонеккер под давлением политбюро ЦК СЕПГ был вынужден уйти в отставку. Сменивший его на высшем партийном и государственном посту Э. Кренц отправился на переговоры в Москву.

⁴⁵ В начале июня 1989 г. правительство ГДР поддержало действия руководства КНР, применившего военную силу против выступления китайской оппозиции в Пекине.

⁴⁶ Lau M. "Peinlich, daneben und anmaßend" // Die Zeit. 2019. 8 August. S. 6.

М. Горбачёв заверил его в дружбе и поддержке, а также заявил, что объединение Германии на повестке дня не стоит.

В радио- и телеобращении к народу Э. Кренц объявил о повороте (Wende) в развитии страны. Он же назвал события осени 1989 г. мирной революцией. Лидеры СЕПГ хотели через демократизацию политической жизни сохранить и суверенитет ГДР, и социалистическую систему. Крупнейший разрешённый властями митинг собрал 4 ноября 1989 г. на Александерплац в Восточном Берлине свыше 200 тыс. чел. Хотя выступившие на нём член политбюро ЦК СЕПГ Г. Шабовски и начальник внешней разведки ГДР М. Вольф были освистаны как представители старых сил, однако на митинге речь всё же шла о новых идеях для ГДР, а не о воссоединении Германии⁴⁷.

9 ноября 1989 г. Г. Шабовски на пресс-конференции, которая транслировалась по телевидению, сообщил о новых правилах выезда граждан ГДР за рубеж. Из-за допущенной оговорки жители Восточного Берлина решили, что Берлинская стена открывается "немедленно", и ринулись туда толпами. По словам Э. Кренца, чтобы не допустить кровопролития, переходы в Берлинской стене были открыты. Считается, что эта мера была предусмотрена заранее, чтобы на время выпустить революционный пар, а затем стену вновь закрыть. С точки зрения немецких экспертов, это был поступок политических дилетантов. 10 ноября в атмосфере всеобщего ликования в Западном Берлине состоялся митинг, на котором выступили В. Брандт, Г.-Д. Геншер, Г. Коль. Идея единства уже витала в воздухе⁴⁸.

С открытием стены, которая впоследствии была разрушена, тысячи восточных немцев на своих автомобилях "Трабант" стали ежедневно приезжать в Западный Берлин, где встречали радушный приём. Щедрость правительства города не знала границ. Каждый приезжавший получал 100 марок "приветственных денег" (Begrüßungsgeld). Кофе, пирожные, шоколад предлагались бесплатно. Бананы раздавались прямо с грузовиков. Жители города предоставляли "братьям и сёстрам" из Восточного Берлина ночлег. За вход в музеи и театры денег не брали.

28 ноября 1989 г. Г. Коль выступил в бундестаге с планом объединения Германии из десяти пунктов, который создавал впечатление долговременного восхождения к германскому единству (от учреждения договорного союза между ФРГ и ГДР и создания конфедеративных структур к образованию федерации). Однако через два месяца после обнародования плана ситуация изменилась столь разительно, что канцлер уже мог открыто говорить о государственном единстве Германии и обсуждать с четырьмя державами-победительницами внешнеполитические аспекты объединительного процесса.

К коренному изменению ситуации привело начавшееся с открытием границ "великое переселение" восточных немцев в ФРГ – "Германию всех немцев". В 1989 г. в ФРГ прибыло свыше 340 тыс. граждан ГДР. В 1990 г., особенно в первой половине, в ФРГ переселялись ежедневно 2 тыс. человек из Восточной Германии.

⁴⁷ Bauer P. Der schönste Tag der DDR // Süddeutsche Zeitung Magazin. 2019. 4 Oktober. No. 40. S. 12–33.

⁴⁸ Kimmel E. West-Berlin. Stimmungsbilder aus dem letzten Jahr // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. 26 August. No. 35–37. S. 40–46.

Происходило это в условиях, когда СЕПГ прекратила своё существование и трансформировалась в Партию демократического социализма (ПДС), а Э. Кренц сложил с себя все прежние партийные и государственные полномочия (3 декабря 1989 г.). ГДР возглавил Ханс Модров, а ПДС – Грегор Гизи. Министерство государственной безопасности было ликвидировано. Набирала силу кампания критики прошлого ГДР и дискредитации её руководства, в которой активное участие приняли западногерманские политики и СМИ ФРГ. Работали круглые столы, обсуждавшие принципы новой Конституции ГДР. Общество стремительно демократизировалось, так что переселение в ФРГ было бегством не от тоталитаризма к демократии, а скорее от менее высокого жизненного уровня к значительно более высокому. Восточногерманский писатель К. Хайн писал в декабре 1989 г.: "Кто сейчас ещё выезжает, тот не хочет реформ, он хочет новый автомобиль"⁴⁹.

Правительство ФРГ даже не пыталось сдерживать переселенческий натиск, а, напротив, откровенно его поощряло, или, как говорили социал-демократические оппоненты Г. Коля, премировало⁵⁰. Благодаря такой переселенческой политике Г. Коль решил две важные стратегические задачи. Во-первых, мир поверил в стихийный и неуправляемый характер объединения Германии. Четыре державы стали относиться к этому процессу как к неизбежности, на которую нельзя наложить вето. Во-вторых, переселенческая политика Г. Коля обескровливала ГДР в кадровом отношении, способствовала углублению внутривосточного кризиса, приводила страну к экономической и политической деградации, что облегчало её будущее поглощение Боннской республикой.

В то же время поощрявшийся Г. Колем переселенческий процесс встретил сопротивление социал-демократической оппозиции и населения западногерманских земель. Социал-демократы считали nonsensом поощрять людей, приезжавших в ФРГ исключительно по финансово-экономическим мотивам. В ноябре 1989 г. правительства земель, руководимых социал-демократами, обратились к канцлеру с требованием демонтировать систему льгот для восточногерманских "политических беженцев" и предложили вместо того, чтобы "заманивать переселенцев, оказать ГДР экономическую помощь с целью повышения уровня жизни её граждан.

Отношение западногерманского населения к переселенцам на глазах менялось. Чувство немецкой солидарности и провозглашение ФРГ "родиной всех немцев" не выдерживали испытания временем. Среди граждан ФРГ росли опасения, что щедрое финансирование приёма переселенцев приведёт к коллапсу социальной системы, обострению жилищной

⁴⁹ Bauer P. Op. cit. S. 29.

⁵⁰ Восточногерманские переселенцы помимо обычных, принятых в ФРГ социальных гарантий получали компенсационные выплаты за переезд из ГДР в ФРГ, одноразовые пособия, пользовались значительными налоговыми послаблениями при обзаведении новой квартирой. Не проработав ни дня в ФРГ, лица пенсионного возраста получали пенсию, безработные – пособия по безработице, заболевшие – медицинское обслуживание за счёт федерального бюджета. Кроме того, специалисты из ГДР пользовались преимуществами при трудоустройстве. В условиях жилищного кризиса в ФРГ (не хватало около 1 млн квартир) восточные немцы автоматически получали документы, облегчавшие им наём дефицитных квартир и социального жилья, что ставило их в привилегированное положение по сравнению с западными немцами.

проблемы, росту безработицы. Вчерашние "вестники свободы" и "немецкие братья", как называла их западногерманская пресса, всё чаще стали слышать в свой адрес такие слова, как "чужаки", "нахлебники", "иждивенцы". СМИ стали сообщать о стихийных протестах населения против вторжения "чужаков"⁵¹.

28 января 1990 г. на земельных выборах в Сааре кандидат в канцлеры от СДПГ О. Лафонтен сделал акцент на социальных аспектах германо-германского сближения и завоевал абсолютное большинство голосов. Этот успех подтолкнул Г. Коля к выводу, что в долгосрочной перспективе для многих немцев содержимое их собственных кошельков значит больше, чем упоение национальными чувствами. В связи с этим его собственное переизбрание на пост канцлера западными немцами уже не казалось ему само собой разумеющимся. В Ведомстве федерального канцлера считали, что безостановочный марш к германскому единству может быть блокирован, если "социальные вопросы" О. Лафонтена возобладают в ходе кампании по выборам в бундестаг ФРГ в декабре 1990 г.

ГДР под прицелом ХДС в борьбе за политическую власть в объединённой Германии

Ответом канцлера на вызов О. Лафонтена, который предсказал нарастание социальных трудностей в ФРГ в связи с переселенческим движением, стали ускорение темпов германо-германского объединительного процесса и перенос тяжести межпартийной борьбы в Восточную Германию.

Г. Коль не мог допустить, чтобы кто-то помешал ему достойно увенчать дело всей своей жизни – войти в историю в качестве канцлера германского единства. Исходя из этого, ему было важно осуществить объединение страны до того, как прогнозы О. Лафонтена начнут сбываться.

Радикально сократив сроки достижения германского единства, Г. Коль прервал первоначальный процесс обучения демократии, который проходили восточные немцы на пути от старой к новой ГДР. Сегодняшние оппоненты политики канцлера по объединению Германии обращают внимание на то, что демократия не может быть урезана до свободных выборов. Устойчивая демократия возникает и активизируется через политическую практику, позволяющую всё большему числу людей делать осознанный выбор на основе надёжных знаний и приобретённого умения различать серьёзную программу и пустую пропаганду. Учёба демократии требует времени, однако именно его Г. Коль гражданам ГДР не дал. По мнению экспертов, восточногерманские жители в целом располагали лишь поверхностными знаниями о функционировании избирательной и партийной системы, поэтому только меньшинство могло сделать выбор, опирающийся на надёжные знания.

⁵¹ В земле Северный Рейн – Вестфалия 64 коммуны были объявлены "закрытой зоной" для переселенцев, аналогичные решения приняли власти Гамбурга и Бремена. В Гамбурге, например, возникла "гражданская инициатива", выступавшая за запрещение строительства временного лагеря для бывших граждан ГДР. В других городах пикетировались общежития для переселенцев, а кое-где местные жители захватывали, громили и даже поджигали отведённые для "гостей" помещения.

За 41 год непродолжительного существования ГДР выборы проходили трижды. Это был настоящий избирательный марафон, но без достаточной подготовки. Вначале выборы в Народную палату ГДР, запланированные на начало мая, были перенесены на 18 марта 1990 г. Таким образом, время, в течение которого граждане могли ознакомиться с политическими альтернативами, было сокращено на полтора месяца.

Ещё в конце 1989 г. западногерманские политики отрицали возможность вмешательства в процесс демократического самоопределения граждан ГДР. Однако через несколько месяцев журнал "Штерн" (№ 8 за 1990 г.) сравнивал события, происходившие в Восточной Германии, с золотой лихорадкой в Калифорнии и обратил внимание на то, что боннские политики, представлявшие весь спектр западногерманских партий, вели предвыборную кампанию в ГДР, как будто 18 мая речь шла о них самих. На самом деле так всё и было. В Бонне понимали, что скорость объединительного процесса и расстановка сил в будущей объединённой Германии во многом зависят от исхода выборов в Народную палату ГДР. Именно в ГДР развернулась первая фаза борьбы ХДС и СДПГ за власть в объединённой Германии.

На суверенный выбор граждан ГДР было оказано беспрецедентно агрессивное воздействие со стороны западногерманских партий. На основных предвыборных мероприятиях выступали ведущие западногерманские политики, такие как Г. Коль, В. Брандт, Г.-Д. Геншер. Участники Центрального круглого стола ГДР много раз высказывались против такой предвыборной помощи.

В начале февраля 1990 г. Г. Коль создал избирательный блок, получивший название "Союз за Германию"⁵² и служивший ему платформой для собственных выступлений в ГДР под лозунгами "Свобода вместо социализма", "Социализм – нет, свобода и благосостояние – да". На выступления канцлера на митингах приходили сотни тысяч человек. Многие из них скандировали: "Германия – единое Отечество". Г. Коль, в свою очередь, не скупился на популистские обещания и предсказывал экономическое чудо в ГДР в случае объединения Германии.

Резко контрастировала со взглядами Г. Коля на германо-германскую проблему позиция О. Лафонтена. Кандидат в канцлеры от СДПГ отказывался плыть на волне "великогерманского опьянения" и придерживался тактики, которая принесла ему победу на земельных выборах в Сааре, – учёт интересов западногерманских граждан и трезвый подход к воссоединению.

О. Лафонтен хотел обеспечить решение германского вопроса в рамках общеевропейского развития, на основе социальной справедливости и экологической переориентации индустриального общества. В отношении сроков достижения единства он предостерегал от необдуманной поспешности, которая, по его предсказаниям, приведёт к деиндустриализации ГДР и росту безработицы⁵³. Занимая такую позицию, социал-демократический оппонент Г. Коля, по сути, поддерживал тех участников

⁵² В "Союз за Германию" входили: обновлённая партия Национального фронта ГДР – Христианско-демократический союз (ХДС); гражданское движение "Демократический прорыв" (ДП), являвшееся основой мирной революции в ГДР; и новое партийное образование "Немецкий социальный союз" (НСС) – аналог западногерманского ХСС.

⁵³ *Machowecz M. Unter Bremsern // Die Zeit. 2019. 7 November. S. 5.*

мирной революции, которые хотели добиться свободы и благосостояния в своей собственной стране и с горечью наблюдали, как их попутчики по событиям осени 1989 г. "бросились в объятия Запада".

На сторонников сохранения суверенитета ГДР Г. Коль смотрел как на временные политические фигуры. Попытки председателя Совета министров ГДР Х. Модрова (ПДС) стабилизировать ситуацию в стране и остановить миграцию в Западную Германию не увенчались успехом, поскольку не находили поддержки "канцлера всех немцев".

Во время визита правительственной делегации ГДР во главе с Х. Модровом в Бонн в феврале 1990 г. все её члены, включая представителей оппозиции, были неприятно поражены высокомерной и унижающей их достоинство манерой обращения, которую избрал Г. Коль. Просьба делегации о предоставлении кредита в целях смягчения ситуации в стране была в резкой и грубой форме отклонена. Стремление восстановить Министерство государственной безопасности на новой, демократической основе также не встретило понимания. Г. Коль был уверен в победе на выборах 18 марта избирательного блока "Союз за Германию" и не сомневался в поражении Партии демократического социализма, которая в западногерманских СМИ фигурировала не иначе как "наследница СЕПГ". Немецкий канцлер делал всё, чтобы не оставить никакого политического пространства для сил, которые выступали за реформированную, но суверенную ГДР.

Заодно с Г. Кодем был и М. Горбачёв. Обращение Х. Модрова к Советскому Союзу с целью поставить в качестве условия объединения Германии неоспоримость проведённой в ГДР экспроприации крестьянских дворов, домо- и землевладений, а также сохранение народных предприятий (Volkseigene Betriebe) в качестве "народной собственности" было квалифицировано как акция, противодействующая быстрому достижению германского единства и потому направленная против интересов граждан ГДР.

Вернувшись 11 февраля 1990 г. из Москвы, Г. Коль выступил с предложением о создании валютного, экономического и социального союза, который открывал гражданам ГДР доступ к западногерманской марке и стал козырной картой "Союза за Германию" в предвыборной борьбе.

Несмотря на предупреждения восточногерманской СДПГ и ПДС, что речь идёт о распродаже ГДР, демонтаже социальных завоеваний и утрате антифашистских ценностей, в конечном счёте всё решили обещания Г. Коля. Он представлялся "добрым дядюшкой" с Запада, который раздавал подарки. Большие надежды восточных немцев подпитывались традиционным этатизмом и таили в себе очень высокий потенциал разочарования в будущем, так как многие поддались иллюзии: государство всё устроит.

"Союз за Германию", с позиций которого выступал и действовал Г. Коль, вышел победителем парламентских выборов 18 марта⁵⁴. На коммунальных выборах 6 мая 1990 г. в ГДР восточногерманский ХДС подтвердил свой успех. Более чем каждый второй избиратель, проголосовавший за "Союз за Германию", был представителем рабочих профессий.

⁵⁴ По итогам состоявшихся в ГДР парламентских выборов ХДС получил 40,8 % голосов, СДПГ – 21,8 %, ПДС – 16,4 %, НСС – 6,3 %, либералы – 5,2 %, "Союз 90" – 2,9 %, ДП – 0,9 %.

Именно эта социальная группа в решающей степени обеспечила успех ХДС, и именно она больше всех потеряла в ходе трансформационных процессов в Восточной Германии.

По результатам парламентских выборов было сформировано многопартийное правительство "большой коалиции" в составе ХДС, СДПГ, НСС, ДП и либералов (Союз свободных демократов – ССД). Премьер-министром ГДР был избран Лотар де Мезьер, заместителем пресс-секретаря правительства стала Ангела Меркель от "Демократического прорыва"⁵⁵.

Результаты голосования 18 марта 1989 г. означали одновременно и решение о политическом, экономическом и социальном направлении развития Восточной Германии. Под давлением событий в ГДР О. Лафонтен примирился с тем, что германское объединение неизбежно, но не соглашался с его скоростью. На какое-то время ему даже пришлось снизить свою политическую активность, так как 25 апреля 1990 г. на митинге в Кёльне его тяжело ранила ножом в шею психически больная женщина.

1 июля 1990 г. вступил в силу Договор об экономическом, валютном и социальном союзе, подписанный между ГДР и ФРГ 18 мая 1990 г. По поводу этого события канцлер Г. Коль в специальном телеобращении выразил уверенность в том, что никому не будет хуже, чем прежде, и повсюду возникнут "цветущие ландшафты".

На самом деле Договор об экономическом, валютном и социальном союзе, введённый в отсутствие переходного периода, имел далекоидущие и противоречивые социальные последствия. С одной стороны, он открыл гражданам ГДР желанный доступ к сильной валюте, с другой – запустил процесс деградации экономики ГДР и тем самым нанёс вред долгосрочным интересам населения.

Стратегия федерального канцлера состояла в том, чтобы сформированное по результатам мартовских парламентских выборов правительство ГДР держать на коротком поводке. Преждевременное введение валютного союза значительно сократило пространство для действий восточногерманского правительства. С этого времени важнейшие решения принимались в боннском министерстве финансов. Попытки управления процессом экономической перестройки (приоритет санации предприятий перед их быстрой приватизацией) не позволяли отстаивать интересы ГДР, поскольку осуществлялись в условиях перевода имущества Восточной Германии в собственность Западной Германии. Министр сельского хозяйства ГДР П. Поллак в рамках договорённостей с шефом Попечительского совета по управлению собственностью ГДР Д. Роведдером прилагал усилия, чтобы не допустить аналогичного обращения с собственностью на землю в ГДР. После убийства Д. Роведдера эти усилия оказались напрасными.

⁵⁵ "Демократический прорыв" был образован на основе церковных групп. Вначале пытался найти "третий путь" развития – экологически разумный и свободный от насилия. Затем большинство членов перешло на позиции социального рыночного хозяйства и выступило за право народа на единое германское государство. Председателем ДП был Вольфганг Шнур, впоследствии уличённый в связях со Штази. В качестве члена партии А. Меркель прошла путь от референта и составителя партийных листовок до пресс-секретаря. Хотя на выборах 18 марта ДП потерпел сокрушительное поражение (0,9 %), благодаря своему вхождению в "Союз за Германию" был включён в состав коалиционного правительства.

Шокирующие социальные последствия быстрого объединения стали заметны начиная с лета 1990 г. и нарастали быстрее, чем ожидалось⁵⁶. Однако повсюду в восточногерманском обществе господствовал ориентированный на будущее оптимизм. Он поддерживался ожиданием быстрого достижения "цветущих ландшафтов" и обещаниями федерального правительства, согласно которым в течение трёх-пяти лет Восточная Германия по зарплатам и уровню жизни выйдет на стандарты ФРГ. Кроме того, многие восточные немцы, очевидно, верили, что их принадлежность по рождению к немецкой нации сделает возможной своего рода щедрую "семейную помощь" со стороны западных немцев.

Объединение или аншлюс?

Ещё в начале марта 1990 г. Г. Коль выдвинул вопрос об объединении Германии по ст. 23 Конституции ФРГ в качестве основного условия сохранения правительственной коалиции ХДС/ХСС – СвДП и добился согласия своего кабинета. Правительство "большой коалиции" Л. де Мезьера солидаризировалось с этим решением, заявив, что германское единство будет достигнуто путём переговоров между ГДР и ФРГ на основе ст. 23 Основного закона.

Путь к германскому единству в соответствии со ст. 23 был значительно быстрее, поскольку мог реализоваться без предварительных переговоров о новой Конституции и предполагал автоматическое распространение политических, экономических и правовых структур ФРГ на Восточную Германию. При этом оставались в силе все международные обязательства ФРГ, в том числе принадлежность к ЕЭС и НАТО.

Восточногерманская СДПГ, входившая до конца августа 1989 г. в состав правительства Л. де Мезьера, выступила за германо-германское воссоединение по ст. 146 Основного закона. И среди других партий, представленных в последнем правительстве ГДР, были политики, которые предпочитали более осмотрительное движение к единому государству.

Сегодня немецкие политологи пытаются восстановить события того судьбоносного года в контексте упущенной альтернативы не только для ГДР, но и для Германии в целом. По мнению современных немецких экспертов, нереализованная альтернатива, предусмотренная ст. 146, вовсе не означала увековечения раздельного существования двух германских государств, а предполагала более медленное развитие объединительного процесса, через длительное и осторожное сближение в условиях демократии двух разных обществ, культур и экономических систем. В этом

⁵⁶ С января по июнь 1990 г. число людей, потерявших работу, увеличилось с 7 440 до 142 096 чел. Этот тренд усилился с 1 июля 1990 г. К концу июля количество безработных достигло 272 017 чел., в сентябре – 444 856, а к исходу года оно выросло до 642 тыс. чел. К концу сентября среди частично безработных, т.е. занятых в течение неполного рабочего дня или неполной рабочей недели, значились уже 1 728 749 чел. Среди безработных доля квалифицированных кадров составляла две трети. Среди потерявших работу доля женщин была вдвое больше, чем доля мужчин. См.: *Kowalczyk I.-S.* Das Ende der DDR 1989/90. Von der Revolution über den Mauerfall zur Einheit // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2019. 26 August. No. 35–37. S. 08.

случае граждане ГДР получили бы время для выражения и отстаивания своих интересов в ходе обширной дискуссии по новой Конституции, что привело бы к формированию активного гражданского общества.

Выбор в пользу ст. 23 объяснялся не только стратегией действующего канцлера, но и некритичным восприятием политическими элитами унаследованной от К. Аденауэра западногерманской модели развития. Одни представители элит давно стремились к большей международной роли ФРГ и были укреплены в своём мировоззрении фактом преодоления разделения Германии и послевоенного порядка. Строй "старой" ФРГ получил к тому же блестящее подтверждение через крах конкурирующего порядка в ГДР. Другие, прежде всего левые интеллектуалы, ощущали лёгкую меланхолию в связи с исчезновением Боннской республики⁵⁷. И те и другие не видели необходимости в изменении институциональной конструкции "старой" Федеративной республики. Поскольку дискуссия по Конституции из-за сделанного выбора в пользу ст. 23 отсутствовала, граждане ФРГ также были лишены возможности повлиять на дальнейшее развитие единой Германии.

Тогдашний министр образования ГДР (ХДС) Х. Й. Майер затронул суть вопроса, заявив следующее: "Я приветствовал бы, если бы тогда в Западной Германии больше людей увидели шанс в том, чтобы воспользоваться возможностью и немного обновить сорокалетнюю ФРГ". Затем он смиренно добавил: "Победители не размышляют над своими ошибками"⁵⁸.

В качестве аргументов в пользу ст. 23 обычно обращается внимание на то, что граждане ГДР тогда сами хотели как можно скорее попасть в более богатое общество и это грозило нарастанием вала миграции в ФРГ, о чём свидетельствовал лозунг демонстрантов "Придёт немецкая марка – мы остаёмся, если не придёт – мы пойдём к ней".

Такому подходу противостоят два контраргумента. Во-первых, миграция поощрялась Г. Колем, чтобы создать впечатление неуправляемого процесса. Во-вторых, ФРГ обладала рычагами, чтобы найти другой ответ на ожидания населения в отношении улучшения условий своей жизни. В частности, федеральное правительство могло сделать ставку на помощь ГДР в политической и экономической трансформации общества собственными усилиями, к чему, согласно многим свидетельствам⁵⁹, стремилась часть политического класса ГДР. После выборов 18 марта 1990 г., прошедших по "боннскому сценарию", эти политики остались в меньшинстве в Народной палате ГДР и в правительстве Л. де Мезьера.

Другим доводом в пользу ускорения объединительного процесса называется угроза реакционного переворота в СССР, если бы действия были недостаточно быстрыми. Этот аргумент не выдерживает критики на фоне поражения Советского Союза в холодной войне и провала путча в августе 1991 г. Вследствие этого, оглядываясь назад, немецкие эксперты считают ошибочными утверждения о том, что было очень узкое окно возможностей

⁵⁷ *Schildt A.* Politischer Aufbruch auch im Westen Deutschlands? // *Aus Politik und Zeitgeschichte.* 2014. No. 24–26. S. 23.

⁵⁸ *Jacobs O.* Die Staatsmacht, die sich selbst abschaffte die letzte DDR-Regierung im Gespräch. Halle, 2018. S. 371.

⁵⁹ *Ibid.*

для объединения и единство было возможно только в ускоренном темпе или вообще никогда⁶⁰.

Объединение Германии по ст. 23 потребовало от восточногерманского правительства привести административно-территориальное деление ГДР в соответствие с таковым в ФРГ. 22 июля 1990 г. на территории ГДР было учреждено пять земель: Мекленбург – Передняя Померания, Бранденбург, Саксония-Анхальт, Тюрингия и Саксония. Тем самым было введено в действие первоначальное деление ГДР на пять земель (в 1952 г. они были заменены 15 управлявшимися из центра округами) и создана правовая предпосылка для вступления "других частей Германии" в сферу действия Основного закона по ст. 23 данного закона.

23 августа 1990 г. Народная палата ГДР приняла решение о вступлении 3 октября 1990 г. новых земель в состав ФРГ. 31 августа 1990 г. в Восточном Берлине был подписан германо-германский Договор об объединении страны.

3 октября 1990 г. совершилось воссоединение Германии через вступление пяти новых федеральных земель в сферу Основного закона ФРГ.

Примечательно, что решение о германском единстве приняли восточные немцы, а граждане ФРГ были просто поставлены перед фактом. Основной закон предусматривает проведение референдумов только в случае изменения границ федеральных земель, поэтому о своём отношении к политике правительства избиратели могут заявить только на земельных и федеральных выборах. Такой возможностью граждане ФРГ могли воспользоваться, если бы в декабре 1990 г. парламентские выборы состоялись только в Западной Германии. Однако острота борьбы за пост канцлера заставила Г. Коля внести коррективы в расписание избирательного цикла.

После успеха на выборах 18 марта в ГДР Г. Коль не сомневался в своей победе и в Западной Германии, поэтому в апреле 1990 г. он назначил федеральные выборы на 2 декабря 1990 г. и объявил о проведении общегерманских выборов в 1991 г. Тем временем 13 мая 1990 г. социал-демократы победили на земельных выборах в Северном Рейне – Вестфалии и Нижней Саксонии, изменив в свою пользу соотношение сил в бундесрате. Под впечатлением успехов своих политических противников Г. Коль, не желая рисковать и рассчитывая на поддержку парламента ГДР, объявил о проведении общегерманских выборов по истечении срока полномочий бундестага, т.е. 2 декабря 1990 г. Народная палата ГДР поддержала это решение большинством в две трети голосов.

Другим событием, улучшившим шансы ХДС на общегерманских выборах, стал раскол правительственной коалиции ГДР в конце августа 1990 г. Л. де Мезьер спровоцировал выход СДПГ из правительства, отправив в отставку социал-демократических министров П. Поллака (сельское хозяйство) и В. Ромберга (финансы). Этот раскол, по мнению тогдашних политиков, произошёл под давлением западногерманского ХДС с целью ослабить влияние СДПГ на восточных немцев.

На первых общегерманских выборах победил Г. Коль, поскольку он не скупился на щедрые обещания и избиратели, прежде всего в Восточной

⁶⁰ Segert D. Verpasste Chancen im 41. Jahr // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. 26 August. No. 35–37. S. 12–17.

Германии, связывали с ним общенемецкие надежды. О. Лафонтен, сделавший ставку на социальную справедливость и цену единства, проиграл, потому что люди в той же Восточной Германии связывали с ним только общенемецкие опасения⁶¹.

Цену единства О. Лафонтен и его сторонники понимали не только в социально-экономическом и финансовом плане, но и в морально-политическом измерении. Для них речь шла о том, заслужили ли немцы объединения и какой станет Германия, добившаяся государственного и национального единства.

Для многих немцев воссоединение страны явилось символом окончательного искупления вины, снятия своей унижительной инаковости по сравнению с другими народами и обретения национальной "нормальности". Согласно опросу 1992 г., большая часть немецкого общества (свыше 60 %) хотела бы подвести черту.

С поглощением ГДР внимание было переключено на проработку прошлого этого исчезнувшего государства, выступавшего в условиях холодной войны противником Запада на стороне СССР. Отсидев в тюрьме объединённой Германии "по процессу о политбюро", последний коммунистический лидер ГДР Э. Кренц выступил с комментарием нового этапа осмысления немецкой истории, призвав "не представлять ГДР хуже, чем она была, а ФРГ – лучше, чем она есть".

Восточные немцы в обстановке немецкого единства

Первый опыт, связанный с новым государством, был нерадостным⁶². Восточные немцы в полной мере ощутили цену германского единства на условиях Запада. Поражение СССР в холодной войне затронуло и граждан бывшей ГДР, которые столкнулись с направляемым из Западной Германии жёстким и наступательным толкованием своего прошлого с позиций теории тоталитаризма. Наследие ГДР рассматривалось не в его противоречивости, а в большей степени одномерно, только как балласт, который наконец следует сбросить. При этом речь шла не только об утверждении западной идеологии, но и об уголовно-правовом преследовании и гражданской дисквалификации лиц, находившихся на службе "неправового государства". В 1990 г. для населения бывшей ГДР, как и в 1945 г., во второй раз пробили час "Ч", который означал ломку биографий.

Сразу же была создана парламентская комиссия, призванная заниматься "проработкой истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии". Примечательно, что этого в своё время не было сделано в ФРГ при сведении счётов с национал-социализмом. К. Аденауэр и его сторонники справедливо опасались, что народ, подвергнутый в массовом порядке

⁶¹ Результаты общегерманских выборов выглядели следующим образом: ХДС/ХСС получил 43,8 % голосов, СвДП – 11,0 %, СДПГ – 33,5 %, "Зелёные" – 3,9 %, ПДС – 2,4 %, "Союз 90/Зелёные" – 1,2 %.

⁶² *Prieue J., Hickel R.* Der Preis der Einheit. Bilanz und Perspektiven der deutschen Vereinigung. Frankfurt a. M., 1991. S. 91.

осуждению, не примет новое государство, созданное в западных оккупационных зонах. В 1990 г. это мало беспокоило западногерманских политиков, поскольку объединение произошло не в результате создания нового государства на базе союза ФРГ и ГДР и принятия новой Конституции, а в процессе поглощения ГДР на основе "правосудия победителей".

Принципиальная борьба за преодоление гэдэеровского тоталитаризма была сосредоточена на дискредитации восточногерманского Министерства государственной безопасности – Штази, деятельность которого была отмечена значительными успехами в ходе блокового противостояния Запада и Востока. Был открыт свободный доступ к архивным материалам Штази, их обработка проводилась таким образом, чтобы укрепить представление о ГДР как "неправовом государстве" и "государстве доносчиков". Такой обобщающий вердикт вынесла канцлер ФРГ А. Меркель 8 мая 2009 г.

Оценки подобного рода до сих пор больно бьют по чувству собственного достоинства бывших граждан ГДР, которые видели в своей потерпевшей крах стране отнюдь не только "неправовое государство" и диктатуру. Во всяком случае через 30 лет после достижения германского единства многие из опрошенных участников митинга 4 ноября 1989 г. на Александерплац были склонны защищать исчезнувшее государство, на которое они во время его существования часто обрушивались с критическими нападка⁶³.

Меры проработки восточногерманского прошлого, реализованные немецким правительством (создание специализированных институтов, открытие новых исторических музеев, мемориалов жертвам политических репрессий в ГДР и т.д.), были направлены на то, чтобы переформатировать память восточных немцев о ГДР и СССР в соответствии с принятыми на Западе пропагандистскими канонами и унифицировать осмысление Второй мировой войны с позиций подходов, открывающих простор для пересмотра истории.

Этот процесс развивался непросто, поскольку на бытовом уровне многие восточные немцы по-человечески сочувствовали Э. Кренцу, М. Вольфу, другим представителям политической верхушки ГДР, не изменившим своим убеждениям. Книги, написанные ими после отбытия тюремного заключения, пользовались спросом у жителей восточных земель.

В то же время росло недоверие к федеральному правительству, поскольку обещания Г. Коля о будущих "цветущих ландшафтах" не сбывались, а социально-экономическое и человеческое сближение между западом и востоком страны не соответствовало ожиданиям бывших граждан ГДР.

Дело в том, что аншлюс ГДР произошёл в период, когда прежний порядок в ФРГ находился на пути от "государства всеобщего благоденствия" к другому типу капитализма, который сегодня называется "неолиберальным" или "рыночно-либеральным". Первоначально неолиберальная разновидность капитализма возникла в США и Великобритании, в Восточной Европе после 1989 г. она реализовывалась в наиболее радикальном варианте. Затем либерализация, дерегулирование и приватизация вошли

⁶³ Bauer P. Op. cit. S. 12–33.

и в жизнь старых членов ЕС как запатентованный рецепт проведения экономических реформ, которые изменили и Запад.

При переходе от государственного социализма к неолиберальному капитализму Восточная Германия пережила такую же радикальную экономическую и структурную трансформацию, что и посткоммунистические восточноевропейские страны. В Восточной Германии в результате прыжка в готовые структуры "старой" ФРГ перемены осуществлялись с гораздо большей скоростью и последствия были заметно чувствительнее, нежели у других государств прежнего социалистического лагеря, путь которых был более самостоятельным и длительным⁶⁴.

В течение короткого времени восток Германии стал экспериментальным полем утверждения неолиберальной формы капитализма, жёстко затронувшей жизнь каждого человека. "Любая работа лучше, чем отсутствие работы!", "Социально то, что работа создаёт, что бы ни было произведено!" – так звучали лозунги того времени. Восток был авангардом смены парадигмы во всей стране.

В рассказах большинство восточных немцев, которые в сознательном возрасте пережили период сразу после смены системы, до сих пор возвращаются к исторически беспрецедентному разрушению экономики на территории, вошедшей в ФРГ. Так, 145 из 150 крупных предприятий ГДР с более чем 5 тыс. занятых были ликвидированы в пользу западногерманских конкурентов. Одновременно закрылись и связанные с ними социальные, медицинские и культурные учреждения. В промышленности бывшей ГДР были уничтожены миллионы рабочих мест. В сельской местности на две трети сократились возможности для трудоустройства⁶⁵. Прежний опыт граждан больше ничего не значил.

Тот, кто сохранил свою работу или нашёл новую, был счастлив и соглашался благодаря такой удаче на оплату труда без заключения тарифного договора. В противном случае грозили ненадёжная занятость или безработица, превращение из гражданина в клиента социальных учреждений, получателя пособий. Эта обида до сих пор не забыта.

Те, кто ещё строил жизненные планы, переселялись в поисках работы со своей восточногерманской родины на запад и юг ФРГ. Именно так поступали миллионы восточных немцев, в первую очередь молодого возраста, в ранние 1990-е гг. Динамичные восточные немцы старшего поколения включились в маятниковое движение между местом жительства и работой в другом городе. На больших пространствах жизнь замерла, общественные контакты резко прекратились. Ощущение сброса на периферию, превращения в провинцию усиливалось.

Для многих немцев объединение страны всё же стало залогом счастья и жизненного успеха. Для многих других этот сценарий оказался несбыточным.

Восточные немцы из группы "неудачников" испытали глубокое разочарование не только потому, что лелеяли слишком большие надежды, но и поскольку не получили, как они считали, совсем никакого шанса для

⁶⁴ Wiesenthal H. Einheit als Privileg: Vergleichende Perspektiven auf die Transformation Ostdeutschlands. Frankfurt a. M., 1996. S. 105–140.

⁶⁵ Mitteilungen aus der Arbeitsmarkt- und Berufsforschung // IAB. 1992. No. 4. S. 519.

самостоятельной и достойной жизни без государственной социальной поддержки. Начиная с 1990 г. им твердили, что они сами являются хозяевами своей судьбы, однако они ими не стали, так как одни не могли, другим не давали, третьи не хотели.

Чувство разочарования варьировалось в зависимости от прежнего опыта и положения в бывшей ГДР. Так, противники режима Э. Хонеккера полагали, что правовое государство, за которое они боролись, не сумело их в достаточной степени оценить и вознаградить. Верные сторонники системы СЕПГ чувствовали себя ущемлёнными и униженными. Рабочие не могли трудоустроиться, крестьяне видели, что сельское хозяйство обходится без них. Учёные столкнулись с ситуацией, когда их знания больше никому не нужны. Правозащитники оказались без дела, потому что граждане не нуждались в их советах и содействии.

Во многих сферах произошла широкомасштабная смена элит в пользу западных немцев. Местные жители зачастую воспринимали себя проигравшими и деклассированными, низведёнными до роли исполнителей чужих приказов. Те же, кто смог вырваться из этой ситуации и устроить свою жизнь в Западной Германии, в глазах своих земляков больше не являлись восточными немцами⁶⁶.

Одно время надежды возлагались на канцлера Г. Шрёдера (1998–2005), двоюродная сестра которого жила на востоке. Однако он принял пакет неолиберальных реформ рынка труда и социальной сферы "Хартц IV", когда безработица в восточных землях достигала 1,6 млн чел. Граждане снова, как во времена мирной революции, стали по понедельникам выходить на улицы с лозунгом "Хартц IV – не с нами!!!". Это не помогло. После реформы "Хартц IV" число безработных снизилось, однако условия жизни для восточных немцев остались разными.

И всё же восточным немцам не пришлось испытать крайних случаев социальных потрясений. В Восточной Германии, в отличие, например, от Польши, не было высокой инфляции. Пенсии и пособия по безработице были там значительно выше, чем в других восточноевропейских странах.

Хотя по сравнению с другими постсоциалистическими обществами восточные немцы находились в более комфортном положении, они очень скоро поняли, что очутились в неприятной ситуации зависимых клиентов богатых родственников. Отношения, которые они сами рассматривали как родственные, не защищали их от горького опыта существования в бесцеремонно жёстком обществе собственников⁶⁷.

В своих речах, посвящённых очередной дате падения Берлинской стены, представители правительства, как правило, отмечают успехи в сближении запада и востока страны. В то же время журналисты, политологи, оппозиционные политики, опирающиеся на многочисленные статистические данные, дают менее оптимистическую картину процесса подтягивания восточных земель до западногерманского уровня.

Они не отрицают, что по отдельным показателям восток действительно догоняет запад. Численность безработных снижается, показатели бедности сокращаются. Расцвели приходившие в упадок города, модернизированы дома и квартиры, заменены покрытия для автобанов, исчезли насыпи

⁶⁶ *Kowalczyk I.-S.* Das Ende der DDR 1989/90. Von der Revolution über den Mauerfall zur Einheit. S. 04–11.

⁶⁷ *Engler W., Hensel J.* Wer wir sind – die Erfahrung ostdeutsch zu sein. Berlin, 2018. S. 98, 233–240.

бурого угля, отремонтированы или созданы заново инфраструктурные объекты. Отдельные предприятия переоснащены современной техникой и демонстрируют конкурентоспособность. В связи с этим восточногерманский публицист Вольфганг Энглер⁶⁸ задаётся вопросом: в чьих руках всё это находится и кто является эффективным собственником? Согласно свидетельству В. Энглера, довольно часто восточные немцы, прогуливающиеся по знакомым местам, смотрят на чужое богатство и это омрачает их радость по поводу спасённого от разрушения или заново созданного⁶⁹.

До настоящего времени на статистических картах чётко видны очертания бывшей ГДР. Там находятся заброшенные регионы, переживающие длительный структурный кризис, там меньше доля ВВП на душу населения, там дольше работают, меньше зарабатывают, риск бедности самый высокий, а размеры передаваемого по наследству имущества, как считают сами восточные немцы, "не стоят того, чтобы о них говорить".

И через 30 лет после объединения страны статистика подтверждает сохранение диспропорций в развитии старых западногерманских и новых восточногерманских земель (таблица).

Таблица

Различия между востоком и западом Германии через 30 лет после падения Берлинской стены

Показатель	Запад Германии	Восток Германии
Население, млн чел.	66,8	16,2
Территория, кв. км	248 510	108 594
Количество жителей на кв. км, чел.	269	149
Средний возраст, лет	44,1	46,3
Доля работающих матерей полный день с ребёнком до трёх лет среди всех занятых матерей, %	19	39
Доля лиц с миграционным прошлым, %	26,5	6,8
Количество университетских ректоров, чел.	81	–
Средний месячный заработок, евро	3330	2690
ВВП на душу населения, евро	40 301	29 477
Доля собственников жилья (без Берлина), %	44,9	31,4
Место дислокации офисов 500 крупнейших предприятий	463	37
Инвестиции из федерального бюджета в транспортную инфраструктуру с 1991 г., млрд евро	296	97
Месячные пенсионные выплаты, евро	864	1075
Уровень безработицы, %	4,7	6,6

Источник: Die Zeit. 2019. 12 August. S. 30.

⁶⁸ В. Энглер (Wolfgang Engler) родился в 1952 г. в Дрездене, профессор социологии, культурологии и эстетики, в течение многих лет является ректором Высшей школы театрального искусства "Эрнст Буш" в Берлине.

⁶⁹ Engler W. Verheißung und Enttäuschung. Die Ostdeutschen und die Demokratie // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2019. No. 8. S. 73–74.

Исчерпывающим комментарием к вышеприведённым данным могут служить результаты опроса, проведённого в июле 2019 г. Институтом демоскопии в Алленсбахе. Его работники решили выяснить, как оцениваются в стране различия между западом и востоком по состоянию экономического развития и уровню жизни. 74 % восточных немцев считают эти различия "большими" и "очень большими". Такого же мнения придерживаются только 43 % западных немцев. На вопрос "Где лучше шансы на будущее?" 69 % назвали Западную Германию и только 2 % отдали предпочтение востоку страны⁷⁰. Вывод исследователей общественного мнения таков: в новых землях усиливается ощущение сброса на периферию. Это подтверждает и Отчёт правительства о состоянии немецкого единства, в котором можно прочесть: "Ни одно восточногерманское предприятие не значится в биржевом индексе DAX-30. И практически ни одно крупное предприятие не имеет центрального офиса в Восточной Германии". Крупнейшими работодателями на востоке являются филиалы западногерманских и иностранных концернов.

Недовольство многих восточных немцев уже достигнутым политологи объясняют логикой эмансипации, которая не признаёт полумер и постоянно нацелена на всё. В данном случае речь идёт о признании восточных немцев "гражданами первого класса". О том, что они таковыми не являются, свидетельствуют факты. Так, по состоянию на конец 2018 г. ни один восточный немец не занимал должности ректора в каком-либо немецком университете. Согласно результатам исследования университета Лейпцига (2016 г.) под названием "Кто управляет новыми землями", доля восточных немцев, находившихся на руководящих должностях на своей родине, составляла 23 %, а в целом по ФРГ – 1,7 %. На одного восточногерманского менеджера приходилось два западногерманских. В крупных исследовательских институтах доля восточных немцев была ниже доли иностранных учёных⁷¹.

"Догонять не догоняя" – эта короткая формула В. Энглера отражает дефициты объединительного процесса и является одной из причин, почему длительный процесс навёрстывания того, что есть на западе, связан с огорчениями, влияющими на политическое сознание граждан.

Успехи "Альтернативы для Германии" в восточных землях

Сегодня восточные немцы в значительно большей степени, чем можно было бы ожидать с учётом их доли в населении Германии, являются сторонниками новых правых и правых радикалов. Вступив в жёсткую борьбу за своё самоутверждение, протестные силы востока вначале ориентировались на парламентских левых (в лице ПДС, а затем Левой партии), которым, однако, не всегда удавалось быть достаточно убедительными при отстаивании интересов своего испытывавшего разочарования и гнев электората.

⁷⁰ *Winter St.* Der Ost-Komplex // Der Spiegel. 2019. 24 August. No. 35. S. 14–15.

⁷¹ *Ibid.* S. 12–22.

Позднее, начиная с миграционного кризиса 2015 г., ориентация на союз с левыми, которые поддержали приём и интеграцию беженцев, стала ослабевать. С тех пор протестные силы стали заявлять о себе на правом, противоположном полюсе политического ландшафта. Недовольство притоком беженцев искало рупор – чем провокационнее, тем лучше. Им стала "Альтернатива для Германии" (АдГ).

Возникла опасность, что успехи АдГ могут на длительный срок изменить восточногерманские земли, выступив предвестниками фундаментальных изменений в ФРГ, которые ассоциируются с обострением кризиса народных партий (ХДС и СДПГ) и формированием коалиционных правительств без большинства в парламенте⁷². На европейских выборах в мае 2019 г. АдГ стала сильнейшей партией в Бранденбурге и Саксонии. По результатам последних местных выборов поддержка её избирателями во всех без исключения восточногерманских землях превысила 20 %.

Долгое время государство и СМИ не давали объективной картины общественного перелома на востоке и его последствий для политической жизни страны. Критику СЕПГ западные немцы хотели слушать, но критику актуальной ситуации на востоке не принимали. Западногерманские политики считали, что могут рассчитывать на благодарность, ведь, по их мнению, восток получил всё, чего хотел: канцлера Г. Коля, объединение, свободу, западную валюту, бананы⁷³.

Политический класс ФРГ мало интересовало, насколько тяжело давалось восточным немцам приспособление к новому порядку. В результате сложилась ситуация, в которой восток больше не чувствует, что его понимают и представляют его интересы в политике.

Вся серьёзность положения была понята только тогда, когда избиратели между Эльбой и Одером стали заметно дрейфовать вправо. По этой причине восточные немцы оказались в центре внимания политиков и СМИ. И сразу политики, журналисты, учёные устремились на прежде пренебрегаемый ими восток, чтобы установить, что там происходит не так.

В настоящее время, и особенно в преддверии круглых памятных дат, связанных с падением Берлинской стены и достижением германского единства, немецкие СМИ публикуют много материалов о ситуации в восточногерманских землях. Наравне с успехами они сообщают о проблемах преодоления разделительных линий между западом и востоком. Не обходится и без полемики в объяснении причин "правового нигилизма" восточных немцев. Расхождения в оценках обычно политически мотивированы и имеют идеологический подтекст. В центре официальных трактовок происходящего на востоке стоит заданное ещё при Г. Коле отношение к истории ГДР, оправдывающее её поглощение Боннской республикой на правах победителя в холодной войне.

В этом контексте поворот восточных немцев к АдГ связывается с ментальным наследием ГДР, под которым понимаются неприятие всего нового, враждебное отношение к демократии, а также разного рода фобии, являющиеся источником "то скрытого, то явного расизма". Всё это

⁷² Lucke A. von. "Der Osten steht auf": Die AfD als Führungspartei // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2019. No. 8. S. 5–8.

⁷³ На первых порах западногерманские СМИ иронично называли мирную революцию в ГДР "банановой".

рассматривается как продолжение приобретённого в ГДР и с тех пор ещё не отброшенного багажа.

Восточногерманские эксперты соглашаются, что ксенофобские выходки подростков и молодёжи в ранние 1990-е гг. действительно указывают на ГДР. Поскольку до 1989 г. восточные немцы жили в этнически и культурно гомогенном обществе, то быстрое превращение Восточной Германии в арену экономической глобализации, культурного и религиозного многообразия часто смущало людей, лишало чувства безопасности и провоцировало реакции отторжения. Вместе с тем считается неправомерным приписывать наследию ГДР правые и праворадикальные настроения сегодняшних восточных немцев, будто обстоятельства жизни в течение 30 лет в единой Германии не имели существенного значения и не могли повлиять на их умонастроения.

Местные политики из восточной СДПГ видят истинную причину сдвига вправо в новых землях в радикально рыночном изменении системы в 1990-е гг., особенно в их первой половине. В подтверждение своей оценки они обращают внимание на то, что восточногерманский опыт совпадает с опытом миллионов людей в промышленных регионах США и Европы, которые пережили аналогичную перестройку экономики и общества с таким же результатом – массовым отчуждением граждан от демократических институтов, подъёмом националистических, правопопулистских течений и партий⁷⁴.

К таким правопопулистским партиям, или новым правым, относится и АдГ, которая на базе проблем восточных немцев, возникших после объединения страны, значительно расширила тематические горизонты своей протестной активности. Заявленная цель "Альтернативы для Германии" заключается в том, чтобы стать народной партией востока, поэтому всё, что тревожит сегодня восточных немцев, находится в поле её зрения и озвучивается в земельных парламентах и бундестаге. Действительность единой Германии даёт для этого достаточно поводов.

С одной стороны, объединение страны было действительно беспрецедентной историей успеха. С другой – как только была достигнута первичная цель мирной революции в виде гарантированных основных прав и элементарных свобод для каждого, миллионы жителей востока потеряли экономическую и социальную опору. Выигрыш в политической и правовой сфере шёл в ногу с утратой гарантий в социально-экономических вопросах, к которым привыкли в ГДР. Возникли многочисленные группы проигравших, которые оказались на периферии экономической перестройки и считали, что их интересами пренебрегли. Такие настроения разрушали идентификацию с рамочными условиями, в которых восточные немцы оказались.

Социальные проблемы и наивный этнический национализм ("Мы один народ!"), который был двигателем немецкого объединительного процесса, стали причинами сильной враждебности к иностранцам. Немцы хотели оставаться немцами, не смешиваясь с другими нациями, поскольку высшей ценностью было "единство народа". Миграционное движение 2015 г. оказалось чрезмерным вызовом для населения новых земель.

⁷⁴ Engler W. Verheißung und Enttäuschung. Die Ostdeutschen und die Demokratie. S. 73–80.

Восточные немцы, чувствовавшие себя ущемлёнными и предоставленными самим себе, отнеслись к новым группам мигрантов как к конкурентам на рынке труда и в социальной сфере, которые покушаются на их относительное благополучие. Обеспокоенность по этому поводу в Восточной Германии распространена сильнее, чем на западе, поскольку именно на востоке населению был причинён долговременный массовый ущерб в процессе экономической и структурной модернизации. Не является случайностью и то, что наплыв мигрантов был отвергнут также большинством населения Восточной Европы, которое после крушения социалистической системы должно было бороться за собственное экономическое выживание.

Относительно успешные представители востока увидели в наплыве мигрантов прежде всего "опасность для культурной однородности общества". Многие жители Дрездена объединились в движение ПЕГИДА (Европейцы-патриоты против исламизации Запада). Они отвергают обвинения в нацизме и считают, что это понятие больше не внушает страха из-за его избыточного употребления.

Согласно мнению наблюдателей, АдГ использует настроения на востоке самым искусным и изощрённым образом. Она является единственной партией, которая резко выступает в ландтагах и бундестаге против иммиграционной политики правительства, совмещая требования как в отношении обеспечения социальной безопасности, так и сохранения культурной идентичности немцев в условиях наплыва мигрантов. Одновременно она демонстрирует, что является истинным представителем интересов востока.

"Альтернатива для Германии" смогла в очередной раз это доказать, когда восточные немцы столкнулись с новым вызовом – решением федерального правительства об отказе к 2038 г. от использования бурого угля в энергетике. Дело в том, что семь из десяти открытых разработок, затронутых этим решением, находятся в новых землях. Для угледобывающих регионов Восточной Германии такая политика грозит экономическим спадом. АдГ использует недоверие жителей "особых регионов" к обещанной правительством структурной помощи и является единственной партией в бундестаге, которая выступает против отказа от энергетике, работающей на буром угле. Вокруг неё собираются избиратели, которые не хотят больше никаких спускаемых сверху перемен, чтобы снова не стать проигравшими. Земельные выборы в Бранденбурге и Саксонии (2019 г.) показали, что тема энергетике позволила АдГ увеличить число своих сторонников⁷⁵.

Новым правым удалось завоевать сильные позиции на востоке также благодаря начавшемуся с объединением Германии массовому исходу мобильных, амбиционных молодых людей в "старую" ФРГ. Покинув свою родину, они ослабили политический центр. На востоке его сегодня представляет новый, хрупкий средний слой, который постоянно боится утратить своё скромное благосостояние и не обладает необходимым политическим мобилизационным потенциалом, чтобы противостоять правым популистам. Нередко отдельные группы среднего слоя маршируют в одних рядах с правыми.

⁷⁵ Lorenz A., Träger H. Die Landtagswahlen 2019: Ausdruck eines neuen Zentrum-Peripherie-Konflikts? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2020. 3 Februar. No. 6–7. S. 23–31.

Опыт, приобретённый в обстановке немецкого единства, стал источником сомнений в западной демократии. По оценкам социологов, 50 % восточных немцев недовольны тем, как функционирует демократия в Германии. Во время мирной революции в ГДР демонстранты обвиняли СЕПГ и партии народно-демократического блока в том, что они их "предали и продали". Теперь представители протестующих восточных немцев пришли к выводу, что элиты в условиях западной демократии не лучше, и их также стали называть "предателями народа". Согласно опросу, проведённому в 2018 г. Йенским университетом, 80 % жителей Тюрингии были убеждены, что системные партии хотят только получить их голоса, но их интересами пренебрегают⁷⁶.

"Альтернатива для Германии" использует эту ситуацию. Её голос сливается с хором электората, обвиняющего правящий политический класс в предательстве народа. В то же время АдГ подрывает имидж своих политических конкурентов, называя их далёкими от реальности "старыми" партиями. Восточногерманское происхождение А. Меркель только ухудшает ситуацию, потому что она, как считается, "предала" своих. На этом фоне сопредседатель фракции АдГ в бундестаге А. Гауланд выдвинул лозунг, требующий "прогнать" А. Меркель.

Функционеры АдГ призывают к сведению счётов с "системой" и её верхушкой. Свой призыв они мотивируют тем, что все важные решения, ухудшившие положение немцев, были приняты через голову народа. Под прицелом правопопулистских агитаторов, в частности, находятся деятельность Попечительского совета, распродавшего "по дешёвке" собственность ГДР, "закон Хартца", на основе которого был произведён демонтаж социальной сферы, спасение банков после мирового финансового кризиса 2008 г., открытие в 2015 г. границ для беженцев.

На этом фоне проводятся параллели между "годом поворота" (1989 г.) и сегодняшними протестами против приёма беженцев и ставится знак равенства между правительством А. Меркель и вынужденным уйти в отставку режимом СЕПГ. АдГ выступает в восточногерманских землях под лозунгами "Заверши поворот!" и "Поворот 2.0!".

Резонанс от этих призывов пугает западных немцев. В то же время растёт понимание, что задача политики и гражданского общества состоит в том, чтобы завоевать доверие населения новых земель через заботу об их интересах. Считается, что это будет трудный путь ввиду очевидного отчуждения Восточной Германии от существующей политической системы. В любом случае этот путь придётся пройти.

Частью проблемы является отношение системных партий к АдГ. Немецкие социологи советуют правящему классу сохранять спокойствие. С их точки зрения, хорошо, что такая партия существует и благодаря ей озвучиваются специфические проблемы людей. При этом подчёркивается, что демократия должна огорчать, в противном случае она функционирует только для господствующей элиты⁷⁷.

Австрийский политолог Д. Зегерт видит в сложившейся ситуации в Германии возможность для формирования устойчивого общества будущего, которое извлечёт уроки из сравнения преимуществ и недостатков

⁷⁶ *Winter St.* Op. cit. S. 18.

⁷⁷ *Ibid.* S. 22.

государственного социализма и капиталистического общества потребления. Он считает, что восточные немцы хорошо подготовлены к необходимой реформе политической общественной системы и предлагает видеть в успехах АдГ на выборах не только укрепившиеся на востоке расистские и антидемократические позиции, но и протест против пренебрежения восточногерманским опытом и собственной биографией ГДР, которые в официальных выступлениях западногерманских политиков, включая канцлера А. Меркель, практически не упоминаются⁷⁸.

Сегодня "Альтернативе для Германии" отказано в возможности участвовать в коалиционных правительствах, хотя она является парламентской партией и тяготеет к правому крылу ХДС. Препятствием для обретения ею правительственной ответственности являются часто озвучиваемые обвинения АдГ в правом радикализме.

Более того, АдГ, а значит, и её избирателям навешивается ярлык последователей национал-социализма, хотя лидеры партии не сказали ничего нового по сравнению с тем, что говорил, например, Г. Коль при посещении вместе с Р. Рейганом солдатского кладбища в Битбурге или А. Дреггер, защищавший память о героизме погибших солдат вермахта, или писатель М. Вальзер, выступавший против рутинной практики увековечения позора немцев.

Тот факт, что в случае с АдГ нацистское прошлое, касающееся всех немцев, эксплуатируется в целях дискредитации неудобного политического противника, может служить одним из свидетельств того, что осмысление преступлений гитлеровского режима и связанной с ним немецкой вины и через 30 лет после объединения Германии ещё далеко от объективности. И в этом источник избирательных и тенденциозных трактовок истории, подпадающих под понятие фальсификаций⁷⁹.

Особенно задевают Запад военные парады в России, проводимые в ознаменование Дня Победы, поскольку этот праздник весомо и зримо подтверждает статус СССР/России как державы-победительницы, внёсшей решающий вклад в освобождение европейских народов от нацизма.

* *
*

⁷⁸ Segert D. Op. cit. S. 12–17.

⁷⁹ В 70-ю годовщину гитлеровского нападения на Польшу (2009 г.) по немецкому каналу ZDF в самое удобное для телезрителей время был показан фильм "памяти", который был начат с рассказа о пакте Молотова – Риббентропа, будто он был причиной развязанной Третьим рейхом Второй мировой войны. При этом ни слова не было сказано о целях Гитлера по завоеванию "жизненного пространства" на Востоке.

Министр иностранных дел ФРГ Х. Маас (СДПГ) в связи с 75-й годовщиной окончания Второй мировой войны озвучил в журнале "Шпигель" социал-демократический тезис о том, что только Германия виновата в развязывании войны. С одной стороны, он отмежевался от восточноевропейских государств (Польша, Прибалтийские страны и др.), которые заинтересованы в нагнетании антироссийской истерии в связи с пактом, но, с другой стороны, он поддержал эти страны, когда, руководствуясь идеологическими императивами, заявил, что окончание войны не принесло свободы Восточной Европе и ГДР, и тем самым поставил под сомнение освободительную миссию Красной армии.

Семьдесят пять лет, прошедшие с момента безоговорочной капитуляции Третьего рейха, были полны самых разных событий, интерпретация которых в сегодняшней Германии во многом зависит от осмысления немцами нацистского периода в своей истории. Без прихода А. Гитлера к власти и развязанной им преступной войны не было бы раскола Германии, внутригерманской границы и тем более Берлинской стены. Хотя Германия сейчас единое государство, но если бы объединение страны произошло на базе союза двух равноправных государств, а не через аншлюс ГДР, то, по-видимому, Германия не была бы сегодня расколота в политическом, социальном и духовном смысле и новая стена непонимания и недоверия не возникла бы там, где проходила граница между ГДР и ФРГ.

Лозунг мирной революции 1989 г. "Мы один народ" ещё не претворён в жизнь. И в этом смысле вопрос "Кто такие немцы и куда они идут?" сохраняет свою актуальность.

Ключевые слова: *разделение Германии – холодная война – процесс осмысления нацистского прошлого в ФРГ и ГДР – объединение страны – тандем Горбачёва – Коля – трансформационные процессы в восточногерманских землях – успехи "Альтернативы для Германии" на востоке страны.*

Keywords: *separation of Germany – the Cold War – reflections on the Nazi past in the FRG and GDR – the country's reunification – Gorbachev-Kohl "tandem" – transformational process in the East German regions – electoral success of the "Alternative for Germany" in the East of the country.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьёва Л.М. Объединение Германии: Ретроспективный взгляд на актуальную проблему. М.: РИСИ, 1998.
2. Воробьёва Л.М. О трансформации чувства исторической ответственности политической элиты и общественности Германии и её бывших союзников за развязывание Второй мировой войны // Аналит. обзоры РИСИ. 2010. № 1 (24).
3. Кузьмин И.Н. Поражение: Крушение ГДР и объединение Германии. М.: Науч. книга, 2002.
4. Максимычев И.Ф. Падение Берлинской стены. М., 2011.
5. Фальсификаторы истории (историческая справка). М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948.
6. Andersen U., Woyke W. Handwörterbuch des politischen Systems der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1992.
7. Bajohr F. Nach dem Zivilisationsbruch. Stand und Perspektiven der Holocaustforschung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2020. 20 Januar. No. 4–5. S. 25–30.
8. Bauer P. Der schönste Tag der DDR // Süddeutsche Zeitung Magazin. 2019. 4 Oktober. No. 40. S. 12–33.
9. Bergner J.T. The new superpowers Germany, Japan, the U.S., and the new world order. N.Y.: St. Martin's Press, 1991.
10. Bierling St. Wirtschaftshilfe für Moskau: Motive und Strategien der Bundesrepublik und der USA 1990–1996. Paderborn: Schöningh Verlag, 1998.

11. Deutschland als Ganzes: Rechtliche und historische Überlegungen. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1985.
12. *Dobbert St.* Sagt mir nicht, wer ich bin // Die Zeit. 2019. 27 Dezember.
13. *Ebert J.* Stalingrad: Gemeinsame Erfahrung, getrenntes Erinnern? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2017. 22 Mai. No. 21–22. S. 27–32.
14. *Eberwein W.-D., Kaiser K.* Deutschlands neue Außenpolitik. Band 4: Institutionen und Ressourcen. München: Oldenbourg Verlag, 1998.
15. *Engler W.* Verheißung und Enttäuschung. Die Ostdeutschen und die Demokratie // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2019. No. 8. S. 73–80.
16. *Fisher M.* After the Wall: Germany, the Germans, and the Burdens of History. N.Y.: Simon & Schuster, 1995.
17. *Forudastan F.* Gedämpfte Freude // Süddeutsche Zeitung. 2019. 9–10 November.
18. *Fried N.* Ein ganz normales Wunder // Süddeutsche Zeitung. 2019. 9–10 November.
19. *Fried N.* Merkels Systemkritik // Süddeutsche Zeitung. 2019. 4 Oktober.
20. *Hacke Ch.* Das Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Weltmacht wider Willen? Berlin, 1997.
21. *Habermas J.* The Past as Future. Lincoln: University of Nebraska Press, 1994.
22. *Hartmann G., Leistner A.* Umkämpftes Erbe. Zur Aktualität von "1989" als Widerstandserzählung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. 26 August. No. 35–37. S. 18–24.
23. "Historikerstreit": Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München: Piper Verlag, 1987.
24. *Hodenberg Ch. von.* Zur Generation der 45er: Stärken und Schwächen eines Deutungsmusters // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2020. 20 Januar. No. 4–5. S. 04–09.
25. *Holtmann E., Jaeck T.* Was denkt und meint das Volk? Deutschland im dritten Jahrzehnt der Einheit // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2015. No. 33–34. S. 35–45.
26. *Hübsch-Faust M.* Schlußstrich-Mentalität // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1988. No. 11. S. 1330–1340.
27. *Jesse E.* Das Ende der DDR // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2015. 10 August. No. 33–34. S. 18–25.
28. *Kaiser K., Maull W.* Deutschlands neue Außenpolitik. Band 2: Herausforderungen. München: Oldenbourg Verlag, 1995.
29. *Kaiser K., Krause J.* Deutschlands neue Außenpolitik. Band 3: Interessen und Strategien. München: Oldenbourg Verlag, 1996.
30. *Kimmel E.* West-Berlin. Stimmungsbilder aus dem letzten Jahr // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. 26 August. No. 35–37. S. 40–46.
31. *Köpping P.* Integriert doch erst mal uns! Eine Streitschrift für den Osten. Berlin, 2018.
32. *Kowalczyk I.-S.* Das Ende der DDR 1989/90. Von der Revolution über den Mauerfall zur Einheit // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. 26 August. No. 35–37. S. 04–11.
33. *Lau M.* "Peinlich, daneben und anmaßend" // Die Zeit. 2019. 8 August.
34. *Lorenz A., Träger H.* Die Landtagswahlen 2019: Ausdruck eines neuen Zentrum-Peripherie-Konflikts? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2020. 3 Februar. No. 6–7. S. 23–31.
35. *Lucke A. von.* "Der Osten steht auf": Die AfD als Führungspartei // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2019. No. 8. S. 5–8.
36. *Machowecz M.* Unter Bremsen // Die Zeit. 2019. 7 November.
37. *Manstein E. von.* Verlorene Siege. Bonn, 1958.
38. *Maull H.W.* Quo vadis, Germania? Außenpolitik in einer Welt des Wandels // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1997. No. 10. S. 1245–1256.

39. *McAdams A.J.* Germany after Unification. Normal at Last? // World Politics. 1997. January. P. 282–308.
40. Nation, Ethnie, Minderheit / A. Nassehi. Köln; Weimer; Wien: Böhlau Verlag, 1997.
41. Politisches System der Bundesrepublik Deutschland / O.W. Gabriel, E. Holtmann. München, Wien: Oldenbourg Verlag, 1997.
42. *Pradetto A.* Ost-West-Beziehungen und deutsche Außenpolitik seit der Wiedervereinigung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2015. 10 August. No. 33–34. S. 46–54.
43. *Rübel J.* Uneinig // Das Parlament. 2019. 30 September.
44. *Sabrow M.* Die "Stunde Null" als Zeiterfahrung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2020. 20 Januar. No. 4–5. S. 31–38.
45. *Sabrow M.* "1989" als Erzählung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. 26 August. No. 35–37. S. 25–33.
46. *Schoener J.* Von klein auf in der Schuld // Die Zeit. 2019. 11 Juli.
47. *Segert D.* Verpasste Chancen im 41. Jahr // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. 26 August. No. 35–37. S. 12–17.
48. *Siedschlag A.* Neorealismus, Neoliberalismus und postnationale Politik. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997.
49. *Prantl H.* Sozial schwach // Süddeutsche Zeitung. 2019. 9–10 November.
50. *Weinlein A.* Keine Wende // Das Parlament. 2019. 11 November.
51. *Winter St.* Der Ost-Komplex // Der Spiegel. 2019. 24 August. No. 35. S. 12–22.